

Галина
Гончарова

2

ДОМАШНЯЯ РАБОТА

Средневековая история

16+

Средневековая история

Галина Гончарова

**Домашняя работа.
Средневековая история**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Гончарова Г. Д.

Домашняя работа. Средневековая история / Г. Д. Гончарова —
«ЛитРес: Самиздат», 2014 — (Средневековая история)

Нет ни минуты покоя ее сиятельству графине Лилиан Иртон, некогда студентке-медику. Не успела домой вернуться - как кошмар начинается. Падчерица приехала и скандалы закатывает. Убийцы страшные бегают. Работоторговцы пожаловали в гости. Сосед опять же подозрительный появился. Королевский доверенный за каждым шагом следит. И со всем этим как-то надо справляться! Ну что ж... такая работа.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Галина Гончарова

Домашняя работа. Средневековая история

*Но истые пловцы – те, что плывут без цели:
Плывущие, чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: – Вперед!..
О ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас лихорадка бьет, как тот Архангел злобный,
Невидимым бичом стегающий миры.
Ш. Бодлер. Плавание*

Глава 1

О родственниках можно и нужно сказать многое... а то на бумаге цензура вымарает!

Любить детей?

Вот в этом Лиля весьма сомневалась. Да и стоит ли заводить своих? Или у них с Лешкой было бы что поприличнее?

Может, и так.

Миранда Кэтрин Иртон на первый взгляд была очаровательным ребенком.

Темноволосая, синеглазая, чуть полноватая, с дыркой на месте одного из молочных зубов...

Мачеху она явно авторитетом не считала, любовью не дарила и слушаться не собиралась. Это выяснилось ровно через десять минут после приезда. Когда по коридорам полетело одурелое: «Не хочу!!!»

Покои, которые ей отвели, ребенку не понравились.

И Мэри примчалась к хозяйке с вопросом: что делать?

Лиля пожалала плечами и предложила дать ребенку возможность выбрать самостоятельно. Что же выбрала маленькая паршивка?

Правильно.

Комнаты графини Иртон.

То есть те, в которых жила сама Лиля. А это женщину как раз не устраивало.

Ей и самой было удобно. И переезжать пока не хотелось. Она постаралась облагородить свои комнаты. Убрать розовое, отполировать полы, законопатить щели... Справедливости ради, те же работы велись по всему замку под строгим присмотром вирман, Эммы и самой Лили.

Но это же не повод потакать малявке?

Лиля послушала испуганную Мэри и коротко распорядилась:

– Подайте молодой графине таз для умывания и пусть спускается в столовую. Ужин готов?

– Да, ваше сиятельство.

– И что у нас?

– Овощи. Как вы распорядились – печеная... кар... кор...

– Картошечка.

– Да, ваше сиятельство. Отварное мясо. Зелень и фрукты.

– Отлично.

Лиля планировала устроить небольшой ужин для тех, кого хотела сделать своей командой. Но пока – рано. Слишком рано. Да и малявка ей обедню постарается испортить. Скорее всего.

Все для этого сделает.

В этом Лиля убедилась, когда увидела Миранду Кэтрин Иртон за столом.

Мелкая заняла графское кресло и смотрела оттуда с вызовом. Пыталась. Но из-за массивного стола виднелись только глаза и уши, что безусловно портило вид.

Лиля даже и не подумала останавливаться или менять курс. Она спокойно прошла к креслу в сопровождении вирман.

Не можешь использовать то, чего нет? Используй то, что есть. Например, когда ты большая, а оппонент – маленький. Когда ты в сопровождении свиты, а ребенок только в сопровождении кормилицы, которая подозрительно бледнеет при виде обвешанных оружием воинов.

Некрасиво?

А почему?

Даже Макаренко сначала своих беспризорников выдрал, а потом уже воспитал. И скажите, что это неправильно.

Тем более капризная соплюшка. Наглая и избалованная. Себя только стоит вспомнить. То есть Лилиан Брокленд. Алевтине-то Скороленок сие было неведомо. Не до капризов. Выжить бы.

Так что Лиля поглядела на ребенка с явным пренебрежением. Потом подняла маленькое личико за подбородок. Пригляделась.

Принюхалась.

Не мылась.

Отлично!

Чтобы приручить ребенка, надо его сначала смутить и удивить.

– И что же это мы видим? Вами трубы чистили, ваше сиятельство?

Миранда только глазами хлопнула. Дернула головой, но Лиля держала крепко.

– Н-нет...

– И пахнет, как из выгребной ямы. Как вы думаете, это достойно графини?

Девочка оказалась в замешательстве. Если бы ее начали ругать, она бы поняла. Но холодная ирония – это было для нее в новинку. Так с ней никто не разговаривал. Ни родные, ни отец.

Скандалить тоже не получалось. Вирмане смотрели весьма недружелюбно. И на лицах читалось, что всем плевать на ее титул. А кое-кому даже два раза. Уши надерут. Или отшлепают. Пару раз с девочкой такое случалось, когда она доводила отца. И Миранда предпочитала не скандалить в его присутствии. Такие вещи дети понимают быстро.

– Н-нет...

– Вот именно. Поэтому я отложу ужин на то время, которое вам потребуется, чтобы привести себя в порядок. Вы – графиня. И должны выглядеть соответственно. Вы знаете, что такое графский титул?

Миранда хлопнула глазами. И Лиля продолжила:

– Это значит, что вы должны быть примером, опорой и защитой для живущих на ваших землях. А вы даже умыться не можете. Стыдитесь, госпожа...

Миранда была растеряна. Ошарашена. И Лиля подумала, что первую схватку она выиграла. Но далеко не войну.

И кивнула маячившей в дверях Эмме:

– Быстренько, помогите графине Иртон умыться. И обязательно помыть руки.

Миранда повиновалась. Лиля уселась в освободившееся кресло и подумала, что ей придется приложить массу усилий, чтобы приручить этого детеныша.

А приручать надо.

Зачем?

Ну если романтично и лирично, – это ребенок. Оставшийся один, в чужом месте, беспомощный. Тут же жалость и инстинкт продолжения рода.

Это о романтике.

А если о практике?

Миранда – это еще и инструмент управления ее отцом. Может, жену Джерисон Иртон и не любит. Но дочь...

Дочь он любить должен. Или нет?

Лиля потеряла виски. Память ей ничего не говорила. Надо пошептаться на эту тему с Эммой. Пусть поговорит с прибывшими слугами. А потом перескажет ей последние сплетни.

Миранда появилась умытая и явно опомнившаяся. И определенно собралась устроить скандал. Но Лиля опять не дала ей начать.

– Вы любите печеный картофель, ваше сиятельство?

– Что?

– Печеное земляное яблоко. – Лиля улыбалась. – Сегодня у нас на ужин этот овощ.

– Я... я хочу сидеть там!

Пальчик указал на место графини.

Лиля пожала плечами и пересела.

Миранда опустила в кресло. И жалобно пискнула.

Лиля буквально три минуты назад приказала убрать оттуда все подушки. В результате над столом и носа видно не было.

– Урок второй, – произнесла спокойно Лиля. – Прежде чем что-то требовать, подумай, как ты с этим справишься.

– Ты это нарочно?

– Разумеется. Но ведь и ты хотела устроить скандал, разве нет?

Миранда засопела. Но крыть было нечем. Эта странная тетка была не такой, как остальные взрослые. Не орала, не ругалась, не топала ногами, не упрашивала – она не укладывалась в знакомые модели поведения. И Миранда прибегла к безотказному оружию.

Она заплакала.

Лиля посмотрела на маленькое личико, по которому катились слезы. Сейчас бы поцеловать мелкую, вытереть слезинки и все разрешить... Нельзя.

На шею сядет.

Поэтому Лилиан Иртон прищелкнула пальцами и распорядилась появившейся Илоне:

– Мне подавайте ужин, а юной графине Иртон – луковицу. Нечищеную.

Любопытство взяло верх. Распорядись Лиля пятью минутами позже, когда Миранда загнала бы себя в истерику, и ничего бы не вышло. Но пока еще...

– З-зачем?

– Чтобы ты плакала подольше. А то крокодиловы слезы быстро заканчиваются.

– Чьи слезы?

– Крокодиловы. А ты не знаешь, кто это такой?

Миранда мотнула головой.

– Тогда слушай. Пока нам будут подавать ужин, я расскажу тебе.

И Лиля рассказывала. Про крокодила. Про то, как он обливается слезами, когда глотает добычу. Про птичку, которая чистила ему зубы, про слоненка, которому крокодил вытянул нос... Сказки Киплинга подошли...

Миранда слушала с открытым ртом. Ей обычно рассказывали про прекрасных дам и рыцарей... Но слоны? Крокодилы?

Это было совершенно новое, а значит, вдвойне интереснее. И рассказывала Лиля интересно. И картошка была вкусная. И даже использование столовых приборов (графиня должна уметь кушать красиво, тем более такая красивая, правда?) прошло как-то незамеченным...

А после ужина Лиля сама (тяжело, но надо) отнесла Миранду в ее комнату, посидела рядом, пока девочка засыпала, и даже спела колыбельную.

Ту самую, что пела ей в детстве мама.

«Лунные поляны... ночь, как день светла...»

Даже если она чуть-чуть фальшивит, кто это заметит? Тем более здесь.

Миранда так и уснула, цепляясь за руку женщины. Лиля осторожно высвободила запястье из детских пальцев и подумала, что надо бы малышке что-то пошить. Или связать. Мягкие игрушки она тоже делать умела. Подумаешь, какие мелочи.

Миранда Кэтрин Иртон.

Что ж, девочка...

Нам предстоит зимовать вместе. И к весне ты не будешь во мне души чаять. Как и в родном отце. А пока – спать.

Надо бы выспаться. Завтра тяжелый день.

Утро началось с того, что Лиле приснился слон. Он сидел у нее на груди и человеческим голосом спрашивал: «Заплатила ли ты налоги, дитя мое?»

Женщина дернулась и открыла глаза.

Оказалось, что это не слон.

Миранда Кэтрин Иртон.

– А я уже встала. А ты все спишь!

Произнесено это было таким тоном...

Лиля посмотрела в окно. Там было еще темновато. И как-то холодновато. Да и ребенок...

В одной ночнушке! По средневековому морозильнику!

– Рехнулась?! – возмутилась женщина, утаскивая мелкую под одеяло, как ее саму когда-то мама.

– Что?

Миранда была слегка придушена, пощечена и крепко поцелована в нос.

– То! Босиком, на каменном полу, ноги ледяные... А где нянька?

– Она спит. А я решила...

– Замерзнуть и заболеть. – Лиля цапнула мелкую за кончик носа. – А ну, лежать смирно!

– А ты мне еще сказку расскажешь?

Лиля выдохнула. Диагноз ясен.

Проснулась среди ночи. Нянька спит. Надо исследовать дом. А что у нас рядом? А спальня графини Иртон. Потому как малышку пока поселили в спальне графа. И они соединяются дверью.

Ну и вот результат.

– Расскажу. Если твердо мне пообещаешь бегать по холодному полу хотя бы в носках.

– Но...

– Или позвать меня.

– Но если я заговорю, Кальма проснется...

– Кальма – это няня?

– Няня.

– А если мы повесим колокольчики?

– Какие?

– Один у тебя, второй у меня. И соединим их веревочкой. Будешь мне звонить, когда захочешь, чтобы я пришла. А я – тебе. Хочешь?

Ребенок точно хотел.

Лиля улыбнулась.

– Тогда завтра сходим к кузнецу и закажем.

А заодно обсудим кучу всего необходимого. Да и к кузнецу мне надо. А вот чтобы ты вмешивалась в дела замка, на что имеешь право, – не надо. Это ни к чему. Власти-то над тобой нет, только я...

Лучше будь под присмотром.

Миранда приткнулась женщине под бочок.

– Ска-а-азку...

Лиля взъерошила ей волосы. В голову ничего не лезло. Хотя...

– Я расскажу тебе про то, как появились броненосцы.

– А кто это?

– Это такие зверушки.

И мысленно поблагодарила «англичанку», которая учила их по сказкам Киплинга. Жаль, здесь этот язык не пригодится. Или попробовать обучить ему вирман? Или ту же Миранду?

Размышления совершенно не мешали Лиле рассказывать сказку. Язык молот отделился от тела. И Миранда быстро пригласилась, засопела и уснула на плече Лили, как котенок.

Громоздкое имя...

Лиля погладила девочку по голове.

Миранда Кэтрин Иртон.

Мири... Мари... нет как-то не то... Кэтти-китти-кэт?

Будешь Кисой. Или Мири.

Надо же тебя как-то сокращать, маленькая, раз уж тебя сюда отправили.

Лиля устроилась поудобнее и тоже уснула.

Утро началось несахарно. Воплями кормилицы, которая потеряла свою деточку. Разумеется, заглянуть к Лиле никто не догадался. И ор продолжался минут десять. Пока женщина не плюнула на все и не вылезла из постели.

Прошлепала к двери в графскую опочивальню (Срочно! Изобрести тапочки!!!) и зашипела гадюкой:

– Молчать!!!

Услышали не сразу. Но заткнулись все-таки быстро. Графиня с утра была зрелищем своеобразным. Этаким мамонт в розовой рубашке с весьма недружелюбным выражением лица.

– Вы мне ребенка разбудите!

– Госпожа, так она у вас?!

Кормилица бросилась в спальню к графине. Ага, размечталась...

Лиля перекрыла проход так, что даже микроб не прошел бы. Пока она еще полная, почему бы это не использовать?

– Ты далеко ли собралась, голубушка?

– Ва...ваше сиятельство?

Голос Лили был угрожающим:

– Ты посмотри на себя. Волосы нечесаны, тряпки нестираны, морда грязная, под ногтями репу сеять нужно, и ты думаешь, что я тебя к ребенку подпущу? Изволь вымыться. А потом приходи.

Кормилица слегка дрогнула:

– Мне господин сказал быть при маленькой госпоже...

– А большая госпожа тебе приказывает привести себя в порядок. А потом уже быть. Обращись к Эмме, она тебе покажет, где у нас моются.

– Ваше сиятельство, но пастор говорит, что мытье...

– Вредно. И пусть говорит. Я твою вонь терпеть не желаю. Не вымоешься – выгоню. Пинками. Поняла?

Кормилица вспыхнула. И собралась разразиться гневной речью.

Лиля прищурилась и развила тему:

– Ты на меня, конечно, можешь графу пожаловаться. Только я графиня. А таких, как ты, сотню нанять можно! – и на язык вдруг вылезло бессмертное филатовское: – «Ты сама, дуреха, звесь. Он-то там. А ты-то здесь».

И дальше уже без классики:

– А граф далеко. Пока ты до него доберешься, много времени пройдет. И доберешься ли в ближайший год? И ребенка ты упустила... Что за нянька, от которой дите сбежало, а она проспала? Да тебя пороть мало! На конюшне!

Кормилица побледнела.

– Выпорю и выгоню! И ни провожатых, ни сопровождающих не дам. Выгоню – и проваливай. Вирмане даже пинка для скорости дадут.

Судя по лицу кормилицы, она все поняла, осознала и готова была мыться и стричься. Даже налысо.

Лиля развернулась к своей комнате.

– Миранда у меня. Мы с ней позавтракаем и отправимся гулять по поместью.

– Госпожа, а учитель...

– Учитель?

Лиля поставила ушки торчком. И узнала, что его сиятельство отправил с дочкой аж троих учителей. Одного – танцев и этикета. Второго – математики и письма. И третьего – истории и литературы. Примерно так.

Лиля хищно потерла лапки.

То, что надо!

– Это правильно, ребенка учить надо. Я сама посмотрю, чему ее там учат.

И сама поучусь. Лиля подумала, что, окажись рядом муж, она бы его на радостях даже пинать не стала. Ну так, немножко. Все-таки хорошее дело сделал!

– Госпожа...

– Мыться, стираться и не орать. К завтраку мы с малышкой спустимся. И надо посмотреть, что у нее есть на зиму, сама понимаешь. Здесь холодно, а мне не хочется, чтобы ребенок болел.

Лиля развернулась и ушла к себе. Посмотрела на маленькую девочку, которая уютно свернулась клубочком.

И что же мне с тобой делать, Миранда Кэтрин Иртон?

Лиля выглянула за дверь и попросила вирман, стоящих на карауле, кликнуть служанку.

Но вместо служанки появилась Эмма. Лиля подняла брови.

– А где Марсия? Или Ирэна? Мэри?

– Ваше сиятельство, мне хотелось бы с вами поговорить...

Лиля кивнула, опустив ресницы.

– Распорядись, чтобы мне воды погрели умыться, и поговорим.

– Стоит, греется...

– Отлично.

– Ваше сиятельство, я ведь вам больше не нужна?

– Разве?

– У вас столько помощников, столько новых людей...

Лиля улыбнулась и потрепала Эмму по плечу.

– Эмма, милая, ты мне нужна. Я сама не управлюсь с Иртоном. А кто лучше тебя может распорядиться в замке? Поместьем я управлять буду. Но дома... Ты знаешь мои вкусы, знаешь, что мне нравится, знаешь, кто будет работать и кто в чем хорош... Мне нужна домоправительница. Очень.

– Домоправительница?

– Эмма, тебе тяжело будет распоряжаться старостами, ты же понимаешь.

Судя по глазам женщины, она не ожидала, что и Лиля это понимает. Но...

– Поэтому дом ляжет на твои плечи. Скоро сюда придут еще вирмане. Вот и подумай. Разместить, накормить, обшить и обстирать... С ними будут женщины, и их надо будет тоже приставить к делу. И дети... Хлопот у нас будет полон рот. Так что я официально назначаю тебя домоправительницей. Дам тебе ключи от кладовок, и распоряжайся.

Эмма упала на колени:

– Ваше сиятельство, да я... вы...

По лицу женщины катились слезы.

Лиля только чертыхнулась про себя. Феодализм, чтоб его!

Пришлось поднять Эмму с колен, усадить на кровать и погладить по волосам.

– Эмма, милая, для начала разместить всех, кто уже есть. И поговори с Иваром – это старший у вирман. Он тебе скажет, кого, куда и как. Сколько прибудет, что нужно...

– Ваше сиятельство, пастор говорит, что вирмане – дикари бездушные.

Лиля фыркнула.

– С пастором я поговорю. Кстати, когда у нас тут служба?

Оказалось, уже завтра. И Лиля решила, что надо сходить. И малявку с собой взять. При ней пастор определенно будет благодуще... наверное. Или можно ее выпустить как средство отвлечения?

Лиля решила подумать об этом вечером. А пока...

– Воду, одеться и позови ко мне Марсию, хорошо?

Эмма закивала и помчалась исполнять приказания. Судя по ее глазам, за Лилю она готова была в огонь и в воду. И женщина подумала, что все сделала правильно.

С одной стороны, Эмма при деле. Управлять домом она точно сумеет. А вот поместье ей не под силу. Слушаться ее не будут. И приказы исполнят через пень-колоду. Ну кто она для крестьян? Вдова управляющего. И то – прошлого. И любить ее особо не за что...

Подумав об управляющем, Лиля покусала ноготь на большом пальце.

Дурная привычка, да. Но иногда прорезается.

Где-то она крупно лажанулась. Вот представьте себе – вы управляете поместьем. И вас на ночь глядя выставляют за ворота. Вы уходите, и ваш труп на рассвете находят в лесу.

При этом Эдор ведь не спорил, не пытался попросить повозку или что там... Он просто взвалил на плечи сколько влезло...

Что это может значить?

Да только одно: *Ему было куда пойти. И к кому.*

У него стопроцентно были сообщники. Но кто?

А черт его знает! Теперь уже не выяснишь, пока сами не вылезут. Секреты – они и в деревне бывают, хотя там их сбережь на порядок сложнее, чем в городе. Нет, ну кто?! Кто?!

Знать – надо. Лиля не собиралась пока что-то предпринимать. Но сильно подозревала, что сволочь, отлученная от кормушки, способна на гадости. Да еще как способна!

Так что надо быть осторожнее.

Убить могут?

А черт знает.

С одной стороны – графиня. Если тронешь – тут такое устроят...

С другой стороны – несчастный случай, он всегда проходил. Тем более, супругу она параллельна, отец... вот отец...

Так. Сегодня у нас кузнец, и обязательно надо перекопать все бумаги. Надо бы и раньше, но читала Лиля откровенно плохо. Да и...

Не подумала. Вот честно – не подумала. Хотя и знала, что бумаги – это основа миропорядка. Кстати, а тут она может бумагу сделать? Чтобы не на бересте или пергаменте каждый раз писать?

Та-ак.

Бумагу делают из целлюлозы. Целлюлоза – это дерево. А можно чем-то заменить деревья? Восполняемым ресурсом?

Надо бы подумать и вспомнить уроки химии. Потому что деревья жалко. Да, на дрова уходит много. Но на бюрократию будет уходить на порядок больше.

Нет, леса она вырубать не даст.

Надо сидеть и вспоминать.

На ярмарке Лиля купила несколько десятков свитков пергамента. Не говоря уже о прорве бересты. И намеревалась записывать все, что необходимо.

В первую очередь все, что она помнит из медицины. А потом – химия, биология, ботаника... Да уж найдется что вспомнить.

Как Лиля радовалась, что она – не блатная дура. Такие в вузах тоже были. И знания их стремились к нулю. А она учила в свое время не за страх, а за совесть. Потому и помнит что-то. Да и медицину она долбила как дятел. До автоматизма. Ночью разбуди – ответила бы. Все, от строения скелета до названий хирургических инструментов.

И сейчас собиралась все это записать. Мало ли что.

Да и та же химия. Кто знает, как она зубрила неорганику? Ей это как раз плохо давалось, и она пару лет не расставалась с учебниками. Вот анатомия – вопрос другой. Там все было просто, привычно и понятно. Зоология – хуже, хотя число шейных позвонков у попугая она до сих пор помнила. Зоолог хороший достался, даже летом водил их на пруд, на практику, пиявок ловить...

Ботаника... тьфу! Пестики и тычинки Лиля ненавидела. Ботанику она любила практически. То есть – садово-огородную. Генетика... надо бы не забыть.

Столько всего предстояло... с ума сойти!

А время, время...

Лиля автоматически умывалась, поворачивала голову так, чтобы Марсии удобно было расчесывать ей волосы, слушала тихое перешептывание Лидии с Ирэной – и думала, что взваливает на себя неподъемную ношу. Ей бы в глушь и в тишь. Чтобы никого рядом не было.

Но выбора не предоставлялось. И надо сказать спасибо за то, что есть. Она ведь одна здесь не выживет.

А так....

Девочки отлично провели ночь на новом месте. Удобно устроились и были весьма благодарны. Лиля распорядилась выделить им две комнаты на троих. Больше никак. Все-таки вирмане еще....

Но девушки точно не возражали. Они удобно устроились в одной из комнат, а вторую решили отвести под мастерскую. Лиля только плечами пожала. Если хотят – пусть. Но она собиралась организовать мастерскую или в бальном зале, или в музыкальной комнате.

Девочки понятиливо покивали. И предложили Лиле одеваться.

Белая кофта типа рубашки. Зеленый жилет. Зеленая юбка.

На ноги – те же чешки с лентами вокруг щиколотки. Ну ничего, она здесь наладит приличное производство обуви!

А пока позавтракать и заниматься делом. И начать с девочек.

Лиля быстро обрисовала им производство мягкой игрушки. Саму идею. И девушки захлопали глазами.

Куклы тут были. Но... не такие.

Шить мишек-зайчиков с набивкой никто не додумался. Лиля пообещала показать, что и как, и поглядела на Миранду.

Малявка спала как сурок. Оно и понятно. Умоталась за время дороги. Ехали-то в карете и прорву времени. Хорошо, что здесь захолустье.

Лиля посмотрела на Лидию:

– Приглядишь за ней? Вот, на пару с Ирэной? Хотите – поработайте тут, а как проснется, зовите меня. Хорошо?

Девочки не возражали. И Лиля отправилась завтракать.

А там ее ждал первый сюрприз. В гостиной, примыкающей к столовой, собрались шестеро человек. И все выжидающе смотрели на нее. Лиля подняла брови. Но начинать разговор не спешила. Разглядывала.

Один – явный военный. Темные волосы, серые глаза, крупное мускулистое тело, шрам на щеке. Темное платье и меч у пояса.

Вторая – женщина. Лицо лошади и выражение потомственной гримзы. Платье пышное, но шнуровка спереди. Не дворянка. Определенно.

Третий – смазливый блондинчик в голубом. Завитые локоны посыпаны чем-то белым, но аккуратно. На одежде следов нет. Смотрит томным взглядом... Бабы, наверное, млеют.

Конкуренцию ему составляет такой же смазливец, но темненький. Друг на друга они поглядывают без всякой приязни. Соперники?

И еще двое, тоже похожи друг на друга. Один – этакий боровичок в простом наряде. Серьезный взгляд, спокойная улыбка. Второго же... нет, они похожи только внешне. Уж больно у второго взгляд нехороший. Этакий калькулятор в человеческом облике. Будь это в той прошлой жизни, Лиля бы сказала: «бухгалтер». А здесь он кто?

Наконец она решила, что народ приведен в нужное состояние, и кивнула:

– Разрешаю представиться.

Первым заговорил вояка. Как она и ожидала.

– Госпожа, меня зовут Лейс Антрел. Я со своим отрядом сопровождал юную графиню до вашего замка. Если мы вам не нужны, мы готовы уехать в любой момент.

Лиля едва не фыркнула.

Не нужны?! Ребята, да вы – подарок небес!!!

Вы – противовес вирманам. Все-таки до конца я им доверять никогда не буду. Вам – тоже. Но люди мне нужны. А сделать вас моими людьми – дело техники.

Или...

С другой стороны – стоп машина! Это, дорогая моя, люди твоего мужа. Тебе нужно, чтобы он узнавал о каждом твоём шаге? Или чтобы ему по приезде отчитались в красках?

Надо подумать.

– Сколько у вас людей?

– Пятнадцать человек.

– Уважаемый Лейс, после завтрака прошу ко мне в кабинет. Вы останетесь в Иртоне?

– Как решит упр... ваше сиятельство.

Оговорку Лиля заметила. М-да. Явно его предупредили, что от графини толку ноль. Всем заправляет покойный Эдор. Заправлял. Ситуация поменялась. А товарищ умный. Отпускать его или нет?

Что он может увидеть, если останется? И поладит ли он с вирманами? И что узнает супруг?

– Об этом лучше поговорить после завтрака и спокойно.

– Как прикажете, госпожа графиня.

Лиля кивнула. Остаться вояке определенно не хочется. Но если она прикажет... лучше ли будет? Или хуже?

И обратила взгляд на остальных.

Первой шагнула вперед костлявая тетка с таким выражением лица, словно до завтрака лимон зажевала. Солёный.

– Госпожа, я преподаю правила этикета юной графине. Мария Рейхарт, с вашего позволения.

Поклон был исполнен изящества.

Лиля прищурилась:

– И как, Миранде нравится ваша наука?

Кислота стала еще концентрированной.

– Юная графиня пока не понимает, что занятия ведут к ее пользе.

Лиля кивнула:

– У нее сложный возраст. Полагаю, если я поприсутствую на нескольких занятиях, она будет вести себя спокойнее.

– Вы не доверяете мне, ваше сиятельство? Я учила хорошим манерам дочь герцога Лейверского!

Лиля плавно повела рукой.

– Что вы, госпожа Рейхарт. Наоборот, я искренне хочу, чтобы Миранда Кэтрин усвоила хорошие манеры. Полагаю, в моем присутствии она не станет шалить. И будет вас внимательно слушать. Просто уроки придется перенести на удобное нам обоим время. Вы занимаетесь каждый день?

– Да. По два часа. Но мы только начали.

– Будем продолжать.

Вслед за Марией поклонился блондин.

– Леон Альтхерт, учитель естественных наук.

– Уважаемый Леон, то же самое относится и к вашим урокам. Я буду присутствовать везде. Не в силу недоверия. Я полагаю, что граф Иртон не выбрал бы для ребенка плохих учителей. Но подумайте, если мой муж приедет и найдет дочь недостаточно образованной, он будет весьма недоволен и вами, и мной.

Третьим поклонился брюнет в лиловом:

– Дамис Рейс. Учитель истории и литературы.

И обжег таким взглядом, что Лиля едва бюст не пощупала – вдруг там уже блузка дымится? Козел!

– Отлично. Господа, попрошу вас подумать над уроками. Мы с Мирандой будем ездить по поместью. И часть уроков будет проходить в движении.

Кажется, учителя были не слишком довольны. Но выбора им Лиля не предоставила.

И посмотрела на следующего гостя. Которого мысленно уже прозвала «калькулятором».

– Госпожа графиня, меня зовут Ширви Линдт, и я доверенный вашего мужа. У меня для вас письмо. Я должен взять отчет у управляющего. А также доложить вашему супругу о вашем состоянии.

Лиля чертыхнулась про себя.

Вот уж не ко времени! Но внешне постаралась этого не показать.

– Письмо от моего обожаемого мужа?! Оно у вас?!

Так, и глазами захлопать. Если делать это быстро и приоткрыть рот, выйдет лицо полной идиотки. Лиля точно знала по той жизни.

Мужчина явно купился. Что бы ни наговорил ему Джес Иртон, он ведь не знал про изменения... А докладывать ему Лиля не собиралась.

Надо прочитать письмо и до вечера подумать про количество и качество лапши на уши. И отчет!!!

Эдор, скотина, чтоб ты еще раз сдох! Где я тебя искать буду?!

Ладно, покопаемся как следует в кабинете. А то до изгнания Эдора она опасалась, мало ли что. А после изгнания времени не было.

Лиля кивнула. И обратила внимание на последнего прибывшего.

– Ваше сиятельство, разрешите представиться?

– Разрешаю.

– Меня зовут Тарис Брок. Я прибыл с письмом и подарком от вашего отца.

Лиля изобразила восторг и захлопала в ладоши.

Дверь столовой распахнулась.

– Госпожа! – Эмма была торжественна и величественна. – Завтрак подан!

Лиля кивнула:

– Прошу вас, господа, разделить со мной мою скромную трапезу. Здесь, в глуши, я рада любому новому человеку.

Учителя были искренне удивлены. Но согласились. Да, для графини такое поведение несвойственно. Но эти люди могут ей пригодиться. Так что будем играть в демократичную графиню. А роль Малюты Скуратова за спиной исполнит Лейф. Когда прибудет. С его доброй улыбкой и нежным взглядом...

Лиля уселась во главе стола и даже успела проглотить несколько ложек овсянки, когда прибежала Ирэна с известием, что молодая графиня «очень громко кричит». Лиля вскинула брови и отправилась умирять малявку. Что ее там – подушкой прищемили?

Все было намного грустнее. Малявку прищемили кормилицей и няней. Та квохтала и хлопотала вокруг дитятка, а дитятко швыряло подушки и орало уже в голос.

Секунд пять Лиля наблюдала, а потом перешла к активным действиям. И кивнула замершей в углу Лидии на кормилицу:

– Убрать.

Девушки подхватили тетку с двух сторон и вытащили из комнаты, прежде чем та опомнилась. Лиля подобрала подушку и метко забросила обратно на кровать. Та приземлилась рядом с малявкой. И Миранда от неожиданности закрыла рот.

– Ты хочешь подраться подушками? – Лиля словно не видела в ситуации ничего страшного. – Давай вечером, а то нас ждет завтрак и поездка в деревню, к кузнецу.

– Зачем?

– Мы же хотели колокольчики заказать. Или ты уже не хочешь?

Подмастерье кузнеца Лиля сегодня еще не видела. Но подозревала, что замковую кузницу он еще не обжил.

Да, была и такая на заднем дворе.

Там был целый хозблок. И кузница в том числе. Только по назначению ничего не использовалось. Скотный двор в три коровы. И те – так себе. Птицы мало, копильня паутиной заросла.

Короче, если бы Лиля тогда знала то, что знает сейчас, она бы Эдора не выгнала. Она бы гада за ноги на воротах подвесила!

– А занятия...

– А с учителями я поговорю. Я с ними уже познакомилась.

Миранда тут же надулась.

Лиля подмигнула ей:

– А хочешь, будем учиться вместе?

– Вместе? Но ты же уже большая?

– И что? Так будет интереснее, правда?

– П-правда...

– Тогда умывайся, и надо одеваться. Ты чего раскричалась с утра пораньше? – Лиля поглядела на девушек, и те унеслись за тазиком и горячей водой.

Миранда засопела:

– А чего она?

Суть вопроса стала ясна через три минуты. Девочка не хотела читать утреннюю молитву. А няня полагала это совершенно необходимым.

Лиля пожала плечами:

– Давай сделаем так. Альдонай все равно наблюдает за нами, так?

– Д-да.

– Поэтому если ты утром скажешь ему: «Я знаю, что ты сотворил этот мир, и благодарна тебе», – этого хватит.

– Да?

– Честное слово.

Миранда кивнула.

– А умываться зачем?

– А чтобы быть красивее. Надо умываться и приговаривать: «Водичка, водичка, умой мое личико, чтоб глазки блестели, чтоб щечки краснели, чтоб смеялся роток и белелся зубок», и вырастешь невероятно красивой.

– Папа говорит, что я и так самая красивая.

– Красоте пределов нет. – Лиля смешно надула щеки и огладила себя по бокам. – Видишь, как меня много? И это все – чистая красота!

Миранда хихикнула:

– Ты смешная.

Вместо ответа Лиля слегка шлепнула малявку подушкой.

Умывание прошло весело. Вот полы немного залили, ну да черт с ними. Уберут.

Одевание – тоже. Но Лиля еще раз уверилась, что малышке нужны новые вещи. То, что было, рассчитывалось на парадное гуляние по паркету. И дома. Богатое, дорогое, расшитое золотом и уляпанное украшениями. Нам бы чего попроще, для деревни...

– Ты верхом ездить умеешь?

– С папой.

– А со мной рискнешь?

– А ты умеешь?

– Главное, что лошадь умеет.

Приручение ребенка шло полным ходом. Миранда просто очаровалась своей мачехой. Лиля не ругалась, не кричала, и с ней было интересно. Это было самым главным.

В деревню Лиля решила пока не ездить. Кузнец подождет. Потом. Вот придут вирмане...

А колокольчики можно и своему кузнецу заказать.

Пока Миранда ела, Лиля решила побеседовать с Ширви Линдтом. И первым делом попросила письмо от супруга.

Осмотрела печать на толстом конверте. И кивнула.

Герб Иртона она уже знала. Белый лебедь на зеленом фоне держит в клюве зеленую ветвь. Красиво. Потому и цвета такие.

Надо бы отбелить пряжу и связать себе махровую кофточку. Пушистенькую такую... Она сможет. Хотя... это Але было к лицу. А Лиле лучше что-то гладкое и без пушистиков. Габариты не те.

Линдт вышел, оставляя графиню наедине со словами законного благоверного.

Лиля сломала печать и начала читать письмо.

М-да.

Оно и к лучшему, что читать получалось только по складам. А то порвала бы мерзкую писульку к чертовой матери!

«Жена! – писал его утонченное сиятельство.

Я приеду не раньше следующей весны. Или лета. Надеюсь, с ребенком все благополучно и ты исполняешь свой долг по его вынашиванию. Постарайся доносить его до срока. Доктор Крейби поможет тебе. Я написал Эдору, он сделает все для твоего удобства. Направляю в Иртон свою дочурку Миранду Кэтрин. Полагаю, вам интереснее будет зимовать вместе. Позаботься о ней как следует, приеду – строго спрошу. Ширви Линдт – мое доверенное лицо. Можешь попросить у него все необходимое для тебя и ребенка.

Джерисон, граф Иртон».

Вот так.

Лиля положила листок на стол. Придавила края руками.

Спокойствие, девочка, только спокойствие.

Даже утонченный поэт Пушкин писал Наташе Гончаровой в деревню: «Что, женка, ты опять брюхата?» Или как-то так. Ей подруга-филолог рассказала. После этого Аля бросила читать Пушкина раз и навсегда. Нехороший человек! Какой-то швабре: «Я помню чудное мгновение...». А родной жене? Которая за тебя, обезьяна африканского, замуж вышла? Ведет хозяйство, рождает детей...

И Джес Иртон не лучше.

«Янки при дворе короля Артура» все читали?

У приличного рыцаря была жена – одна штука, дама сердца – одна штука. И куча баб по тавернам. Где множество стремится к бесконечности. Или как-то так. Алгебру Лилия помнила плохо. Не больше, чем нужно, чтобы рассчитать нужную дозу для инъекции.

Да не в алгебре дело. А в том, что мужу на нее плевать.

И пусть!

Мы переживем.

Но учти, Джерисон, граф Иртон, если ты не уделяешь внимания жене, не удивляйся, когда на организме начнут расти рога. Пока мне не до того. Но...

Интересно, сколько кальция в организме средневековых графьев?

Письмо было перечитано еще раз шесть. Из полезной информации ровно три слова – «я написал Эдору».

Ага. Письмо надо забрать. И прочитать руководящие указания. Да и отписаться тоже.

Остальное – фигня. Козе понятно, на жену плевать. Ребенка роди и хоть подохни. Сукин сын!

Лилия вдохнула, выдохнула и заставила себя успокоиться. Супружник далеко. До него пока не добраться. Хотя к счету прибавилась еще одна костяшка. Веская такая, как гиришка... пудовая... чугунная... это потом. И мечты уронить ее мужу на ногу – тоже.

Вот что делать с доверенным?

Лилия почесала нос.

А что с ним делать? Вариантов два.

Или он становится ее человеком, или он становится пленником в Иртоне. А Лилия от его имени пишет мужу докладные записки. Потому что на кой хвост ей такое счастье.

Лилия представила себе это в красках:

«Ваше сиятельство, ваша жена потеряла ребенка, зато приобрела громадное шило в заднице. Простите, неумеренную двигательную активность. Она носится по всему Иртону, переписывается с купцами, наняла на службу вирман, и вообще тут происходит чего-то странное...»

Реакция мужа?

Ну с вероятностью девяносто два процента, он примчится сюда.

Семь и девять десятых процента на то, что ей напишут, запрещая все инициативы, и пришлют вагон надсмотрщиков. Чтобы и лапкой не дернула.

И одна десятая процента на то, что Джерисон Иртон оставит все без внимания. Хотя куда там! Сотая! И даже тысячная! Ваша жена в вашем доме мутит что-то непонятное, а вам все по барабану?

Не верю!

Лилия покусала губы.

Надо потянуть время. До прибытия вирман. Или поговорить с Иваром?

Вот и план уже вырисовывается. Охранников не отпускаем. Самой нужны. Или наоборот? Избавиться от них до прибытия вирман? Но как? Шел отряд строем по двору и упал в колодец? Весь? Волки загрызли?

Как можно избавиться от пары десятков военных? Которые с мечами не расстаются. Не травить же их оптом? Хотя и это не проблема. Надо поговорить с мальчишкой-травником. Но... не хотелось бы брать такое на совесть.

Ладно. Подумаем и придумаем, что и как.

У Ширви пока ничего не просим. Говорим, что нужно подумать. Пусть подождет. Главное, чтобы не сбежал.

С другой стороны, это вам не Германия с автобанами. Это Ативерна с разбойниками и прочими радостями. И ездить по дорогам в одиночестве тут будет только камикадзе.

Одни волки чего стоят.

Лиля в задумчивости покусала ноготь. М-да. Вот как избавиться от вредной привычки, если нервничаешь? Обстричь под корень? Медиком она так и делала. А графине приходится демонстрировать манеры и маникюр.

Итак.

С мужем ясно. До весны его тут не будет. Так что надо наращивать мощность. И с отцом бы хорошо связаться.

С военными – поговорить с командиром. И выяснить, как он отнесется к вирманам. И к перспективе работать под ее командованием. Ибо чужих людей ей не надо. И даром не надо, и с доплатой не надо, как говаривала когда-то мама...

На глаза навернулись слезы. Но Лиля не позволила им пролиться.

Так, не злись.

С вояками решили. Остаются при условии полного подчинения. Ей и Лейфу. А не нравятся – к черту! Могут даже дорогу указать.

С Ширви? Это не солдат. Это доверенное лицо. То есть его спихнуть хоть к черту на рога, но как можно скорее. Если сейчас отдаст письмо управляющему, то останется цел. Не отдаст? Организую визит дружелюбного привидения в розовом балахоне... Заикаться начнет!

– Ширви!

Доверенный словно за дверью ждал... Хотя, может, и ждал? Появился мигом.

И Лиля протянула руку:

– Письмо.

– Простите, госпожа графиня?

– Альдоной простит. Письмо для управляющего.

Именно таким тоном когда-то дрессировал ее тренер: «Подтянуться пятьдесят раз. Как – нет? Семьдесят!»

Ширви оказался крепче десятилетних салажат:

– Господин граф приказал мне отдать его лично в руки управляющему.

– Эдора нет. А я – есть. Вы считаете, что я стою ниже управляющего?

Лиля тихо порадовалась, что дверь закрыта. Авось никто и не подслушает.

Лицо Ширви приобрело такое выражение «баран упертый упершийся».

– Ваше сиятельство, господин граф приказал мне отдать письмо лично в руки управляющему...

Лиля вдохнула. Выдохнула. Поглядела на мужика.

На морде написано: «господин граф всегда прав. Я повинюсь господину графу. Господин граф – истина в последней инстанции».

Теоретически можно ему настучать по тыкве. Отобрать письмо, уговорить, уломать... Но добровольно фиг он чего отдаст.

Лиля кивнула:

– Что ж, я понимаю вашу верность долгу. Но и вы поймите, управляющего сейчас нет. Так что предлагаю вернуться к этому разговору позднее. Возможно, мы напишем письмо господину графу и получим от него новые указания.

На лице Ширви появилось выражение тихой радости. Он явно опасался, что госпожа графиня начнет настаивать, закатит истерику... Лиля бы не постеснялась, но вот беда, она – *хозяйка*.

Так что обязана рычать и командовать.

Почему генералы не бегают?

Да потому, что в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику.

Вот и она не должна закатывать истерики.

Лиля отпустила товарища и позвала к себе старшего из вирман. Пожаловаться, что народ совсем от рук отбился. Мол, не уважает, не слушается, письмо не отдает. И надо бы его того-с... воспитать. Чтобы жив остался, но сильно об этом пожалел.

Ивар выслушал Лилину версию событий с абсолютно спокойным лицом.

Оказалось, что можно.

Насчет тюрем он не знает. А вот «пыточная» и несколько камер в замке имеются, а то как же! Без этого в наше тяжелое время никуда.

Лиля только головой покачала. У нее вот руки не дошли, а вирмане тут сутки, и уже все знают. Хотя... Они-то знали, что искать. А ей эта мерзость не нужна.

Была.

Пытать Ширви Лиля не собиралась. Но вот в гостях ему задержаться придется.

– А потом вы с ним что сделаете? – Ивар интересовался очень... профессионально. Как мясник. – Каким способом убивать будем?

Лиля задумалась. А ведь правда.

Управляющего волки загрызли. Ну тут никто не спорил, ибо гад был.

Доверенного волки загрызли.

А если и сам граф приедет? Мало ли, не найдут они общего языка? И будут по лесу бегать волки с оригинальной диетой?

Ой неубедительно...

Похоже, эти раздумья отразились на Лилином лице, потому что Ивар кивнул:

– Госпожа графиня, я его могу хоть сейчас... Так вы ж с гнева...

Лиля согласилась.

С гнева. Это он правильно подметил.

Вообще, с вирманами Лиля сошлась довольно близко. Военные люди, они быстро поняли, что Лиля на происхождение не смотрит и со всеми обращается не по званиям, а по заслугам. Вирманам это нравилось. А чинопочитание у них отродясь развито не было. Вождь – и тот выбирался не по наследству, а по проявленным способностям.

И сейчас Ивар осторожненько так пытался дать понять графине, что доверенного придется убить, ежели что не так пойдет. А сколько может быть свидетелей его смерти?

Нет. Одного уже на смерть отправила, не вытряхнув всю информацию. Больше она такой ошибки не сделает.

– Ты прав. Я еще до вечера подумаю и решу. А пока его не трогайте.

– Как прикажете, госпожа.

Лиля попросила позвать к ней Тариса Брока и приготовилась ко второму разочарованию в жизни. Небось отец под стать супругу.

Письмо от отца было увесистым.

А когда Лиля развернула пакет, из него выпала большая шкатулка. И ключик. Красивый такой, на тоненькой цепочке.

С них Лиля и начала. И присвистнула. Это она уже могла оценить.

Папа прислал ей в подарок шкатулку с кучей приправ и благовоний. Ценная вещь. Пусть благодарный Али уже обеспечил ее и тем и другим. Но цены она знала.

Такая шкатулка тянула на несколько десятков золотых.

– А еще господин прислал вам несколько отрезов бархата. И шелка. И тонкую кожу на сапожки. И меха...

Лиля кивнула. И вскрыла письмо.

У Августа Брокленда герб был попроще. То есть пока вообще без герба. Просто печатка в виде баронского щита. И на ней две звезды.

Титул пока еще ненаследуемый. Его получали два поколения. Сначала дед Лили. Потом сам Август. А вот она... А она удачно вышла замуж. Аж за графа. Других наследников нет, так что...

Интересно, а женщинам здесь дают дворянское достоинство?

Лиля только вздохнула. Технически, если бы давали, она могла бы получить и стать леди Брокленд.

Хотя что теперь об этом? Она – графиня Иртон. А если дражайший супруг будет мешаться, она станет вдовой графа Иртон. И совесть ее не замучает.

«Дорогая моя дочурка!

Надеюсь, у тебя все благополучно. Посылаю тебе небольшой подарок. До меня дошли слухи, что ты в тягости, – верно ли это? Напиши, если тебе что-нибудь нужно. Мой доверенный постарается доставить тебе все необходимое.

Любящий тебя отец».

Лиля вздохнула.

Вот так вот.

Тоже ни слова о ее душевных переживаниях. С другой стороны, а что удивительного? Женщина – это же почти как табуретка. Или штаны. Собственность. И никаких переживаний.

Жива? Отлично!

Здорова? Шикарно!

Размножаться собираешься? Цены тебе вообще нет. Никакой...

Лиля вздохнула.

Но – оно и к лучшему.

Если отец не слишком откровенничает в письмах, можно предположить, что дочку он любит, но ее внутренний мир особо не исследовал. Подарки – это отлично. Это как раз свидетельствует о родительской любви. Или отец от нее откупается?

Нет, вряд ли.

Лиля положила себе проглядеть все бумаги, которые найдет в замке, то есть пергаменты, и посмотрела на Тариса.

– Уважаемый Брок, у меня будет к вам поручение. Съездить в один городок по соседству и отвезти мое письмо ювелиру-эввиру. Его зовут Хельке Лейтц. Возьмете все, что он пожелает передать моему отцу. И поедете отвозить мой ответ.

Если Тарис и удивился, то виду не подал.

– Как скажете, ваше сиятельство. Что это за город?

– Крепость Альтвер.

– Когда прикажете выезжать?

– Как можно скорее, – и в блондинистой головке мелькнула коварная мысль. – Я отправлю с вами солдат, чтобы вас охраняли в пути. Тех, которые вас уже сопровождали. Надеюсь, вы поладите?

И мысленно: «А вот Ширви останется один на один с кодлой вирман... Тут-то я до тебя и доберусь. Или...»

– Ваше сиятельство, вы очень любезны.

– Завтра я отдам вам письмо.

Лиля вежливо наклонила голову, давая понять, что можно удалиться.

И задумалась. Интересно, а что этот скажет отцу? Спросит, почему выставил дочь истеричкой? Скажет, что Лиля – исключительно разумная женщина?

Все может быть. И что тогда сделает отец?

Либо напишет еще пару писем, либо приедет сам. Может быть и то, и другое. А вот как с ним общаться?

Вообще, можно списать все на выкидыш. Горячку. И родильный бред. Почему бы нет? Я была душой, но, потеряв ребенка... Вот если бы я его не потеряла, если бы я раньше поумнела... «Я нэ оправдала оказанного мнэ високаго давэрия»... И кепочку на затылке в стиле незабвенного водителя товарища Саахова.

Лиля задумчиво потерела косу. Надо перекопать все сундуки в кабинете. И найти письма отца. Прочитать, написать свое... Так, визит к кузнецу откладывается.

– Ты тут? А когда мы кататься поедем?

Мелочь ворвалась в кабинет. Лиля, не растерявшись, поймала ее за шкирку.

– Стоять! Бояться! Не чихать!

– Не чихать?

– Ага. И глазами не хлопать. Значит, так, ты в этом собираешься куда-то ехать?

Миранда посмотрела на свое роскошное платье. И Лиля подмигнула ей.

– Нет уж. Тебе нужно что-то попроще. Чтобы можно было валяться в грязи, прыгать с лошади, лазить по деревьям, стрелять из рогатки...

– Что?

– Ну из рогатки стрелять. Ты не стреляла?

– Нет. Кальма говорит, что это не подобает юной леди.

– А я важнее Кальмы?

– Ты графиня. И я тоже графиня.

– Вот. И я говорю, что ты обязана все это проделывать. А если будешь умницей, я тебя еще и драться научу.

– Но благородной даме...

– А благородную даму никто в жизни не дразнил? – прищурилась Лиля.

Миранда понурилась. Явно было дело. Лиля ухмыльнулась:

– В таких случаях благородной даме надо искать благородного защитника, так?

– Да.

– Но сразу ты его не найдешь. Правильно?

– Д-да....

– А пока он придет, обидчик уже удерет. А я тебя научу так, чтобы один удар – и с ног долой. И небо в попугах.

– А ты умеешь?

– Графиня должна многое уметь. В том числе и это.

– Зачем?

– Потому что ты – главная на этих землях. Ты отвечаешь за живущих здесь людей. И ты должна уметь защитить и их, и себя.

Кажется, этого девочке никто не говорил. Но, глядя на восторг на замурзанной после завтрака мордашке (овсянка, мед, варенье и что-то еще), Лиля поняла, что поступает правильно. Нет, девочка еще будет капризничать. Орать, биться в истерике, но главное ясно.

Ей – скучно.

Миранда Кэтрин – активный живой ребенок. Который дольше десяти минут на одном месте сидеть не может. А ее заставляют соответствовать образу знатной дамы. Ходить медленно, держаться с достоинством, и вообще быть сушеной воблой, типа учительницы манер.

Запрещено практически все. А энергия-то бродит. Гуляет и выплескивается наружу. Отсюда и истерики. И скандалы. И прочие радости. А вот если вымотать девчонку до предела... Надо попробовать.

Лиля подмигнула девочке:

– Сейчас мы сходим и снимем мерки. Нам пошьют костюмы для верховой езды. А пока это сделают, мы займемся важным делом.

– Каким?

– Мы будем наводить беспорядок и свинячить.

Миранда только глазами хлопала. Обычно ей говорили: «Графиня, не пачкайтесь, не бегайте, не деритесь... не... не... не...» А Лиля предлагала ей что-то веселое и интересное. И девочка с радостью отправилась за ней к швеям.

По дороге Лиля шикнула на учителя танцев, заявив, что все занятия начнутся с завтрашнего дня, поиграла с Мирандой в догонялки и уронила тяжеленную вазу. Ну и пусть. Все равно металл так просто не повредишь.

Девочки сидели у себя в комнате. Все трое. И что-то прикидывали с куском желтой ткани. Лиля помахала им рукой, получила в ответ три поклона и улыбнулась:

– Девочки, мне и вот этой ушастой мелочи...

– Я не...

– Хорошо, безухой мелочи нужны костюмы для верховой езды.

– Какие, ваше сиятельство?

– Такие, чтобы сидеть в седле по-мужски, – Лиля обозрела четыре пары округлившихся глаз и ухмыльнулась: – Все будет более чем пристойно, не думайте. Где у нас тут береста?

Лиле пришла в голову обычная юбка-брюки. Широкая?

Да.

Ног не видно, то, что это брюки, тоже не видно. И что самое приятное – полная свобода движений. Перешить это тоже несложно. Сделать пояс на утяжке, чтобы можно было потуже завязывать, и жить спокойно. Килограмм двадцать она сможет скинуть свободно. А потом немного перешить – и сбрасывать следующую двадцатку.

– Смотрите, что надо сделать.

Лиля быстро набросала чертеж. Объяснила устройство пояса. Казалось бы, что сложного – подвернуть край, зашить и продеть внутрь веревку. Но ведь не додумались.

Кстати, пряжки для пояса. Она много видов знает. А их можно красивые сделать. Надо зарисовать для Хельке. Не забыть. Но сначала – письмо отца.

Чем хороши еще были юбки-брюки – для них почти не требовалось обмерки. Так, талия, бедра...

А блузка и есть блузка. И жилет сверху. Смешение ативернской моды с модой Авестера. Там как раз в моде были жилеты. Вышитые, длинные.

Красиво.

Обмеры были завершены за пять минут. Лилины мерки у мастериц уже были, а обмерить малявку типа Миранды, если та не сопротивляется, несложно. А Миранда Кэтрин, или как называла ее про себя Лиля, Мири, не сопротивлялась. Ей было интересно. И надеть брюки и поехать верхом по-мужски.

Последствий она пока не представляла. А Лиля не собиралась объяснять девочке, что местного пастора придется низводить и «курошать» по методу Карлсона. Может, даже и плюшками. Или плюхами. На выбор.

Потом Лиля вернулась с ребенком в кабинет, и наступил кошмар.

Выглядело это так. Лиля засовывала Миранду в сундук, и мелкая вышвыривала оттуда все, что там лежало. Лиля ловила, складывала в кучку, иногда проглядывала и, убедившись, что это – не то, начинала укладку следующей кучки.

Миранда была счастлива. Лиля довольна.

На письма графа Иртона к управляющему они наткнулись в третьем сундуке из шести. Письма отца к Лиле нашлись, по закону подлости, в последнем. Лилия так и думала, что управляющий их сберег. Такие вещи не выбрасывают. Если ты не Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон... Лилия впервые подумала о реципиентке с недовольством. Да, у тебя не лучшие данные и куча проблем. Но кто-то и вовсе из помойки в миллиардеры выполз.

А ты-то что делала, кроме как лопала и плакала? Розовым стенки обивала?

А самосовершенствоваться в голову не приходило, нет? Или заглядывало и в ужасе удирало?

По уши замурзанное и довольное дите было отдано на руки Эмме с приказом умыть и переодеть. Ребенку было заявлено, что от его пыльного вида со стола пироги убегут. Мири фыркнула, но увести себя позволила. И даже обещала не орать слишком громко.

А Лилия быстро проглядела связки писем от отца.

М-да.

Мужчины, что ж вы за народ?

Или все зависит от женщины?

И то, наверное, и другое.

С Красавицей Чудовище стало принцем. Со светскими дамами Принц стал Чудовищем. С Лилей отец обращался как с ребенком. На, деточка, конфетку, скушай и не лезь ко взрослым. Главное, что ты жива-здоровая. А остальное – мелочи жизни.

Ни рассказов о своей жизни, ни каких-то серьезных расспросов, все письма примерно одного содержания. Только в первых попадают пассажи: «Альдонай заповедовал терпение...», «жена должна повиноваться мужу...», «Джес – достойный молодой человек...»

Похоже, сначала Лилия пыталась жаловаться. Но если она делала это в своем стиле, оно и неудивительно, что отец не прислушался. А отцовскими делами... а интересовалась ли она?

Верилось слабо.

Лилиан казалась Але довольно избалованной особой. Из девиц, которые твердо уверены, что солнце светит миру из их попы. Чтобы она чем-то интересовалась, кроме себя?

Ой ли!

Надо это менять. Но не в первом письме. Сначала надо покаяться.

Слова пришли словно сами собой. Лилия уселась за стол, и перо поползло по бумаге, оставляя корявые буквы:

«Любезный мой отец. – Откуда вынырнуло это обращение? Черт его знает. Может быть, от Вильяма Шекспира? А, не важно. – С горечью осознаю я, что меня настигла кара за глупость и недалекость. Я потеряла ребенка. И только потому, что была этого недостойна. Ни такого мужа, как Джерисон Иртон, ни такого отца, как вы. Вы столько для меня сделали, а я была неблагодарна и надменна. И Альдонай наказал меня. Отец, я обещаю исправиться. Я стала графиней, не сознавая своего долга. И была наказана.

Прошу вас не баловать меня более незаслуженными подарками. А если что понадобится для Иртона, я отпишу вам.

Я благодарю вас за заботу, я должна была сделать это раньше и сказать, что я вас люблю. Искренне надеюсь, что у вас все благополучно. Я буду молиться за вас и моего супруга.

Если бы я была умнее, Альдонай не наказал бы меня потерей долгожданного ребенка.

Ваша любящая дочь.

Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон».

Лилия еще раз перечитала письмо, свернула, покапала воском и приложила печатку. Вот так. Тему ребенка надо подчеркивать.

А для первого раза достаточно.

Я была глупа и неблагодарна. Осознала, раскаиваюсь. Так и двигаться дальше. А что попросить у отца?

Вот Ингрид приедет, осмотрим поместье, составим смету – и вперед. Да и часть скота пригнать должны. Может, еще продуктов попрошу. Или чего другого... подумаем.

Рыбу, вон, ловить пора.

Люди у меня с голоду умирать не будут.

Письмо Тарис Брок принял и пообещал отправиться завтра на рассвете. Лиля сердечно поблагодарила его, распорядилась сгрузить подарки ей в комнату и попросила вирман помочь в этом сложном деле.

Подарки были хороши. Но.

Розовый бархат.

Розовая кожа на сапоги.

Розовое!!!

Ненавижу!!!

Но не отсылать же обратно. Надо бы отправить Хельке – авось что приличнее за это выторгует. Дорогое же все! Или это можно перекрасить? Бархат не для батика, но, может, хоть что-то можно сделать?

Эмма подвернулась как нельзя кстати.

– Где поместили травника?

– Госпожа, в комнатах для прислуги.

– Отлично. Проводи.

В комнату Лиля вошла без стука. И улыбнулась. Энтузиаст малолетний...

– Добрый день, Джейми.

Джейми Мейтл, травник неполных шестнадцати лет от роду, оторвался от ступки, в которой что-то растирал, и поклонился:

– Ваше сиятельство...

Лиля махнула рукой.

– Все в порядке?

– Да, госпожа графиня.

– Тебе здесь удобно?

– Да.

– Скажи, что у нас с краской?

– Краской, госпожа графиня?

В разговоре выяснились печальные новости. Органические краски тут известны. И зверобой варят, и луковую шелуху. И кучу других трав, но!

Все они нестойки.

Ой, не просто так живописцы прошлого только что не козлиные рога в краски подмешивали. Ибо нестойкость – это диагноз.

Батик после первой стирки превратится в половую тряпку. Увы.

А покупать дорогую ткань, чтобы выкинуть? Нет, не будут.

М-да.

Но на посуде краска же не смывалась. Вот в Хохломе посуду расписывали... из нее ведь ели. И каждый день. Но там слой лака наносили. А на гжельской? Там-то лака не было.

А как красиво, синее, белое...

Синее... Индиго? Берлинская лазурь? Лиля прищелкнула пальцами, ловя мысль. Хлорид железа и гексацианоферрат калия. И то, и другое можно получить. Тебе и карты в руки.

Есть гжельская посуда? Будет гжельская одежда! Мода, дрянь такая! Кто прогнет, тот и диктует правила. А уж развернуть пиар-кампанию в мире, где даже таких слов не знают, – запросто.

Надо только подумать, что есть в хозяйстве. А уж химию она знает.

Ладно. Начнем с простого.

Химлаборатория. И стеклянная посуда.

– Ты разбирайся тут, – улыбнулась Лиля мальчишке. – Подумай, что может пригодиться зимой, что еще заказать... У нас тоже травница есть, попроси Эмму, чтобы она тебя к ней сводила.

– А вы знаете, ваше сиятельство, что Морага не только травница, но и ведьма?

Лиля даже не сочла нужным фыркнуть.

– Ты в это веришь?

Судя по глазам мальчишки, не верил. Вот ни разу.

– Настраивайся на работу с ней. Что-то знает она, что-то ты. Если откажется говорить с тобой, сама с ней поговорю. И один не езд, вирман с собой возьми.

– А они...

– Я им скажу.

– Благодарю вас, ваше сиятельство.

Лиля прищурилась.

– Заодно, может, чего у нее прикупишь... если каких трав не хватает.

– Да вроде бы все есть, на армию хватит. – Мальчик улыбался робко, но все-таки улыбался. За время путешествия обратно в Иртон он определенно стал лучше относиться к графине.

И тут у Лили промелькнула идея.

– Всего хватает? А рвотное есть? Слабительное? Или...

– А для чего, ваше сиятельство?

Лиля отмахнулась. Но от травника вышла с сенной, настойкой наперстянки и порошком копытеня. Отличная вещь. Ну что товарищ Ширви? Я немножко посолю вашу пищу, а у вас скакнет давление, откроется рвота и понос. В таком состоянии я у вас не то что письмо изыму, можно будет вас бандеролью в Африку отправить. А лучше – в Альтвер. Под охраной солдат... Вместе с Тарисом, если бог милостив, доедешь, а не сдохнешь. И может, даже к местным врачам не попадешь.

На Лейса Антрела Лиля наткнулась аккурат на кухне. Ей вдруг захотелось яблоко. А войка сидел и жевал здоровущий кусок мяса, щедро сдобренный гарниром.

При виде Лили он попытался одновременно прожевать, проглотить, вытянуться во фронт... Короче, толка не вышло, и Лиля пожалела мужика.

– Сидите, ешьте.

Куда там! Вытянулся, глазами так жрет, что начинаешь сомневаться – графиня ты или отбивная...

– Ваше сиятельство, вы меня искали?

– Искала. Вы служите моему мужу?

– Да. Ваше сиятельство.

– Наемники?

– Нет, ваше сиятельство. Мы принадлежим к его личной дружине.

Это плохо. Или хорошо?

– И какой он вам отдал приказ?

– Сопровождать виконтессу Иртон, а также господина Линдта и господина Брока до места. Потом получить приказания от управляющего.

Лиля кивнула. Ну инструкций от управляющего вы не получите за отсутствием того самого управляющего. А остальное...

– А мои слова во внимание принимаются?

– А как же иначе, ваше сиятельство.

Лиля кивнула.

– Мой муж ничего на этот счет не говорил?

– Никак нет, ваше сиятельство.

Лиля кивнула. Не говорил. Оно и понятно. Это как если бы у табуретки глаза открылись, и она помчалась командовать. С той же вероятностью.

А вот что делать ей?

Оставить этих товарищей?

Вообще-то можно. Лишнее подкрепление не помешает. Да и черт их знает – вырвутся на волю и такого супругу наплетут... И ей удобно.

Вот сможет ли она заставить уважать себя?

Она может попытаться.

Лиля посмотрела на Лейса.

По глазам видно – натуральный солдат. Лиля не слишком разбиралась в местных нравах, зато она хорошо понимала военных. И сейчас в глазах мужчины огромным шрифтом было прописано: «баба!!!» То бишь – сидела б ты на кухне...

Если этих оставлять, то придется их строить и ломать жестко. Нужно ли ей такое?

Да еще вирмане подключатся – разный менталитет, обычаи, привычки, вкусы... Не настает ли в Иртоне локальный армагеддец? И не угробит ли она большую часть времени на то, чтобы мирить две воюющие стороны между собой? Да и надо ли ей такое счастье?

Окажись Лейс помягче, поумнее, поизворотливее... Но – нет. Прямой, как доска. И такой же гибкий.

Но почему бы не использовать их на подсобных работах? Отослать всегда успеется. А ты поди верни обратно...

– Лейс, я оставляю ваш отряд в Иртоне. Пока. Дело найдется.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

– Для начала я вас отправляю с официальным поручением. Поедете в крепость Альтвер – проводите Тариса Брока к моему отцу.

Лейс кивнул:

– Как прикажете, госпожа графиня.

Лиля кивнула. Вздохнула. И подумала, что с нее семь потов сойдет. Но если она сможет сделать этого товарища своим, все окупится.

Лейс из породы собак. Не слишком умные, но верные, честные и преданные. Он ей тапочки в зубах носить будет. Надо только показать ему, что они одной крови. А вообще такой тип военных ей хорошо знаком. Обычно им надо набить лицо. Или показать, что ты круче и сильнее. Сейчас она этого точно сделать не сможет. Ладно, что-нибудь изобретем.

Лиля попрощалась и вышла из кухни. И только потом вспомнила, что так и не сгрызла ни одного яблока. Но возвращаться уже не хотелось.

И отправилась к стеклодуву. Подмастерьев расселили друг рядом с другом. Пока в крыле прислуги. Потом Лиля собиралась выстроить целый комплекс. А сейчас... Убраться бы в этом свинарнике еще раз. Стену подновить у замка. И ров.

Эх, работы навалом.

Стеклодув сначала был насторожен, но Лиля постепенно завоевывала его доверие.

Лиля предложила ему выбрать, что понравится, под мастерскую. Любую хозяйственную постройку, кроме кузницы.

И задумалась. Идей было до хвоста. А вот воплощение...

Надо было дать всем чуть освоиться и наладить себе рабочие места.

– Ты почему удрала?! Я тебя ищу-ищу!

Лиля поймала под мышки Миранду и попыталась подкинуть в воздух. Получилось не очень, но малышка радостно завизжала и вцепилась в женщину.

– Ну ты и медвежонок! – возмутилась Лиля.

– Я?!

– Ну не я же! Такой слоник вырос.

– Я не слоник!

– А кто ты?

– Я Миранда Кэтрин Иртон. – Малявка так задрала нос, что Лиля не удержалась от легкого щелчка по нему.

– Не-а. Ты до своего имени еще не доросла. Вон платье в пятнах, на носу грязь. Тобой полы вытирали?

– Нет.

– А где ты тогда нашла столько пыли? Значит так, у нас завтра намечается генеральная уборка.

– Это как?

– Это когда выгребаются то, что не выкинули в прошлый раз.

Миранда хихикнула:

– А зачем?

– А чтобы маленькие девочки не напоминали потом больших поросят. И на них не ругалась няня.

Миранда помрачнела. Видимо, вспомнила про Кальму. И про предстоящие нотации. Но Лиля ей скучать не дала:

– Поэтому для тебя есть очень ответственное поручение.

– Какое?

– Судя по толстому слою грязи, ты ее найти можешь. Вот и будешь искать по всему замку. А я приставлю людей, и они будут убирать, где ты скажешь.

Лиля подумала, что надо еще приставить и вирман, чтобы перегибов не было. А почему нет? Мелкая учится командовать. Все видят, что две хозяйки – заодно. Ну и... действительно ведь чище будет!

– Правда?

– Честное свинское, – поклялась Лиля и поудобнее перехватила малявку. – Вот что, киска, у тебя игрушки есть?

– Да.

Игрушки произвели впечатление своей... непригодностью. Несколько вырезанных из дерева поделок (кстати, подумать про лошади-качалки, кубики с буквами для знати или купцов, деревянные головоломки, которые она вспомнит, Хельке передаст идею столяру, а тот развернется), пара тряпичных страшилок... М-да. Не наступило еще время мишек и зайчиков. Уютных и родных.

И Лиля, решив плюнуть на все, посвятила день малявке.

Надо же ее приручать.

Заодно и девочкам объясним про мягкую игрушку. А набивать можно сушеным мхом, соломой... да мало ли чем!

Письмо отцу написано, Ширви траванем ближе к ужину, с солдатами все решено, учителя отдохнут, а мы с Мирандой, Ирэн, Лидией и Марсией...

Кстати, изобрести нормальные ножницы. А то этими овечьими резаться легче, чем что-то отрезать.

А к вечеру – к вечеру был готов первый слегка косорыленький и растрепанный мишка. С симпатичными глазками-пуговками (Хельке громадное спасибо), таким же носиком и даже открывающимся ртом.

Лиля только головой качала. Она-то могла сделать и лучше, и красивее, но девочки и Миранда смотрели с таким восторгом!

Конечно, первый экземпляр достался девочке. А Лиля прикинула и начала рисовать на бересте других зверюшек.

Мишки, кошки, зайчики – это же только начало. А есть еще крокодилы – тех вообще раз плюнуть сделать. И змеи. И куча всего... А набивать и гречневой шелухой можно. И безотходное производство, и подушка-антистресс.

Судя по горящим глазам девушек и восторженному личику Миранды, которая вцепилась в мишку только что не зубами, идея имела успех. Лиля подумала, что при правильном подходе они таких зверушек смогут сотнями производить. А еще можно ведь для них и одежду шить. И украшения делать... Хельке придумает, как это подать. Надо только написать эввиру.

Одним словом, к ужину Лиля и Миранда спускались уже лучшими подругами.

Лиля прекрасно понимала, что Миранда еще далеко не укрощена, что у нее еще будут стычки с маленькой капризницей, но...

Главное – заинтересовать ребенка. А потом с ним будет намного меньше проблем.

– Вы полагаете, это все коварство Мальдонаи?

Пастор внимательно посмотрел на собеседника. Тот поежился, но ответил, почти не думая – заранее готовился:

– Разумеется! Женщина не предназначена для дел. Разве ее супруг мог дать ей хоть какие-то поручения?

– Вы правы, дитя мое. Но это – графиня.

– Разве власть Альдоная не выше всех живущих?

– Да, выше.

Про себя пастор задумался.

Выше-то выше. Но...

Вон, поди поспорь со Львом Уэльстера! Решил один умный придворный альдон развод ему не дать. Назавтра же его на охоте собаки разорвали. Все всё понимают. Но доказать – никак.

И развод Гардвейг получил тут же. Жить всем хотелось.

И здесь может быть то же самое.

С одной стороны, жаль, что не прошла его затея. С другой же... Джес Иртон – мужчина серьезный. И в стычках на границе себя показал. Если эта коровища с изумрудным браслетом не врала, связываться себе дороже. Вывезут в море и притопят на неглубоком месте.

Так что... да, немного обидно. Но жизнь все равно дороже.

Графиня, дочь крупного кораблестроителя, плюс муж Лилиан Иртон с королем на короткой ноге, чуть ли не королевский племянник. Нет, лучше уж не связываться. Слишком основание зыбкое.

Собаки и охоты везде есть.

Божественное – да, это хорошо. Но мирские власти тоже забывать не грех. Кушать-то хочется.

Впрочем, есть хороший способ выяснить правду. А именно – отписать Джерисону Иртону про подвиги его жены. И посмотреть, что он ответит.

Оба беседующих не заметили тихого храмового служку, который шмыгнул за алтарем словномышь. А вот служка услышал все, что хотел.

И поторопился доложить своему хозяину.

– За что Альдонай наказал меня таким сыном-недоумком?! – Достопочтенный Торий Авермаль с отвращением смотрел на Дария: – Ты хоть понимаешь, кретин, что ты наделал?!

– Что именно?! – искренне удивился Дарий.

– Ты зачем поперся к пастору со своими глупостями?!

Дарий закусил губу. Откуда отец знает?

– Я...

– Молчи, идиот! Я тут не жалею сил, чтобы графиня Иртон стала относиться ко мне лучше, а он пытается записать ее в шильды!^[1] Недоделок! Тупица!

– Да шильда она и есть! А то кто ж еще? – вякнул Дарий.

И был награжден увесистой затрешиной.

– Болван! То, что женщина умна, не означает ее принадлежности к шильдам. А она далеко не дура. И цену себе знает. Если с ней сотрудничать, мы можем много получить.

– Да что она...

Торий закатил глаза. И заговорил медленно и холодно:

– Если ты. Еще раз. Хоть слово дурное по графиню скажешь. Я тебя. Из дома выгоню!

– Отец?!

Дарий был искренне шокирован. Нет, всем же ясно, женщина – это что-то вроде мебели. И своего ума у нее просто нет. Она создана для того, чтобы продолжать род. Сосуд для семени. И все. Ну еще готовить, шить, стирать может. Но ожидать от нее ума?

Женщины коварны, похотливы, лживы, глупы, и ими может пользоваться Мальдоная. И не боле того. Почему отец так злится?

– Сотрудничество с Лилиан Иртон может принести хорошие деньги. Она умная женщина. Таких единицы. И я не хочу, чтобы ты развалил то, что только начинает созреть.

Обругав сына, запретив ему все действия против Лилиан Иртон и профилактически выпоров на конюшне, Торий Авермаль отправился к эввиру в гости.

Как ни странно, ему нравился Хельке Лейтц.

Эввир был неглуп, практичен, понимал свою выгоду – то, что Торий знал и в себе. А сейчас их объединяло и общее дело.

– Моя племянник скоро поедет к графине. – Хельке угощал гостя настоем трав, который посоветовала делать та же графиня. Душмяница, ползунок, лиловый цвет^[2]... Получалось вкусно, особенно с медом.

– Отлично. Передайте ей от меня поклон.

– Обязательно, господин барон.

– Торий. Просто Торий, компаньон...

– Не смею спорить с благородным господином. – Улыбка Хельке была преисполнена ехидства. Торий ответил похожим оскалом:

– Ты? Ты – смеешь.

– Достопочтенный...

Мужчины весело переглядывались.

– Хельке, у нас есть небольшая проблема...

Пастор запечатал письмо и отдал посыльному.

Так-то ваше сиятельство. Знает ли ваш муж про ваши выходки? Теперь – точно узнает. Но будет ли в восторге?

А утром его навестил достопочтенный Торий Авермаль:

¹ Шильда – местный аналог суккубы, т. е. ужасно развратная женщина, которой мало одного мужчины. – *Здесь и далее примеч. авт.*

² Местные названия душицы, чабреца, иван-чая

– Пастор Лейдер, мое почтение.

– Благословен будь, дитя Света.

Покончив с обязательными формальностями, мужчины перешли к делу. Пастор указал барону на стул, тот уселся и поставил перед собой небольшую шкатулку.

– Чем я могу служить вам, достопочтенный Торий?

– Речь не об услуге, пастор. Я пришел к вам с маленьким подарком. – Торий коварно улыбался.

– Вот как?

– Да. От одной известной вам и мне особы.

– Какой же?

– Ее сиятельства Лилиан Иртон.

– Лилиан Иртон?

– Да, она перед отъездом очень сокрушалась, что не могла вас навестить лично.

Из навешанной бароном лапши становилось ясно – графиня очень высоко оценила участие милого пастора в своей судьбе и просила передать ему скромный подарок. Скромненький такой...

Золотое перо и такая же чернильница, щедро инкрустированные малахитом. Хельке лично постарался. Самые интересные вещи, те, которые пойдут высокородным, он делал лично. А что попроще... Сейчас на него уже работало шестеро подмастерьев. И он не собирался останавливаться.

– Какая прелесть!

– Графиня очень просила передать вам, что сохранит о вас самые лучшие воспоминания. И будет искренне надеяться, что Альдоной пошлет вам новую встречу.

– Я тоже буду ждать этого момента.

Пастор чуть расслабился. Вот это уже было правильно. Подарки, надежды... Боится супруга, но его обаяние-таки подействовало.

Зря он, наверное, написал графу. Но не говорить же теперь об этом.

– Вы будете писать графине?

– Непременно. И писать, и она сюда должна приехать.

– Я тоже напишу ей.

– Я с радостью переправлю ваше письмо.

На том и сошлись.

Хельке Лейтц просто зашивался. И другого слова тут было не подобрать. Жена и дети теперь видели его минут по десять в день. Вставал он до рассвета, ложился после полуночи. И радовался, что пожилым нужно меньше сна. Хотя вот уж сейчас его бессонница не мучила.

Отключиться бы. А утром – опять дела.

Дела, работа, забота...

Хотя и приятная.

Новинки Лилиан Иртон не просто пользовались спросом – их готовы были раскупать мешками. Но ты поди, наладь производство!

Сделать пять непроливаек?

Не так сложно.

А пятьдесят? Пятьсот?

Да пока только производство наладишь, с тебя семь потов сойдет.

А договориться с партнерами в других городах? А наладить сбыт?

Хельке с ума сходил.

Хорошо еще, что есть эввирские общины во всех крупных городах. Связанные между собой. Голубиная почта – вещь хорошая.

Да, про эввиров можно сказать многое. Они коварные, еретики, легко обманывают людей. Но только не тех, кто с ними одной веры. Даже поговорка ходила: «Эввир эввира не обманет».

И это была чистая правда.

Но Хельке не собирался обманывать и Лилиан Иртон. Сначала мог бы. А потом...

Иногда выгоднее вести дела честно. Да и Торий Авермаль рядом, тот еще жук... Такой свою прибыль никому не отдаст. У медведя мясо вырвет.

В ближайшее время Хельке собирался отправить к Лилиан своего племянника. А там посмотрим, что нового придет от графини.

Пока имеющееся бы освоить.

Убийца разглядывал Лилиан Иртон. Исподтишка.

Странно.

Эта женщина не похожа на бесчувственную колоду, как ее описали. Хотя... какая ему разница?

Сделать свое дело и уехать. Солдат отправляют завтра с утра. Так вот. Ночью графиня Иртон должна быть мертва.

Лиля и не подозревала, что ее жизнь уже взвесили, оценили и назначили ее срок.

Она просто занималась домом, Мирандой.

Завтра должны были прийти женщины из деревни. И мужчины тоже. Ров так и не был восстановлен. А надо. И ремонт надо довести до конца. Стены подмазать... Знают ли тут, что такое цемент?

Бетон?

Нет, кто бы спорил, раньше строили лучше. Но на куриных яйцах раствор мешать... Дорого, долго, неудобно. Не хочу!

Лиля вздохнула. И отправилась на кухню.

Ей повезло. С одной стороны, ужинать с графиней учителям и посланным было не по чину. С другой – все ж не слуги. Поэтому подносы с едой им относили в комнаты. И Лиля не пожалела «приправ» для Ширви Линдта. Во все подсыпала – кто его знает, сколько и чего он съест?

Ужин – на этот раз они ужинали вдвоем с Мирандой, а всем остальным накрыли отдельно, – тоже удался. Мелкая искренне пыталась подражать Лиле, женщина поправляла ее, шутила, смеялась. Сложно ли приручить ребенка?

Сложно.

Но Лиля уверенно шла к этому. Беда была в том, что Мирандой никто не занимался по-настоящему. Отец просто не умел ладить с девочками. С кузенами у нее тоже отношения не сложились. Кормилица, конечно, ее любит, но любить и курица умеет. А вот чтобы было интересно...

А с Лилей было интересно.

Рассказы Кипплинга закончились, и женщина пересказывала теперь «Снежную королеву». Мири слушала, как зачарованная.

– А откуда ты столько знаешь?

– Я много училась.

– А я буду столько знать?

– Мы завтра ходим на уроки и посмотрим, чему тебя учат.

– Они про такое не рассказывают.

– А я буду. Но и учиться тоже надо.

Судя по мордашке Миранды, она бы предпочла заменить учебу интересными рассказами.

И Лиля собиралась продолжать. Вот ведь готовая помощница. Только расскажи ей про медицину. Ничего, мы еще вырастим из виконтессы медика.

Лишь бы ей никто не помешал!

Женщина поиграла с ребенком в «ладушки» и «камень, ножницы, бумага» и сдала с рук на руки няне, утомленную и довольную.

– Найди ей что надеть попроще, – приказала Лиля. – У нас завтра генеральная уборка, вот чтобы ребенок портил дешевые платья.

Кальма надулась:

– Миранда – дочь графа! У нее всякой дешевой пакости нет.

Лиля закатила глаза:

– Любезнейшая, ты у меня за ворота вылетишь с волчьим билетом. Или на конюшне выпорю. Что тебе больше нравится? Ты что, решила, что можешь мне дерзить? Жить надоело?

Служанка резко побледнела. Этому способствовали и вирмане, которые, тихонько так лязгнув железом, появились рядом с графиней.

– Простите, ваше сиятельство....

– Альдоной простит. Еще раз рот откроешь не по делу – и вкаты на дороге будешь. Поняла?

Кальма закивала.

Лиля прищурилась. Да ясно же. Ее просто ревнуют. То есть не ее, а Миранду – к ней. Раньше-то все было в руках кормилицы. А сейчас появилась Лиля, и мелкая полностью переключилась на нее. Вот Кальма и пытается хоть что-то отстоять для себя. Хотя бы призрак былой власти.

Перебьется.

Лиля не была злой. Но делить ребенка ни с кем не собиралась. И как инструмент влияния на графа, и как будущую помощницу, и...

Этот ребенок может действительно стать ей родным. Дети – они ведь не держат камня за пазухой. А Лиля так устала от одиночества.

Женщина практически вползла в спальню и позвала горничную. Помочь раздеться. Да, тяжело. И здесь еще есть няньки, слуги... Как же справляются родители в ее мире? Которым еще и работать надо? За сегодня она точно килограмм живого веса потеряла.

Дети...

Убийца был уже в комнате.

Он знал, что графиню всюду сопровождают вирмане. Кроме ее спальни. А там стоят на карауле у дверей. Ну и отлично. Спрятаться в шкаф. Благо в нем можно было что угодно спрятать.

Дождаться, пока толстуха заснет, и прирезать ее. Один правильный удар, она и вскрикнуть не успеет. Не то что сопротивляться. Да что она может ему противопоставить?

И уйти через открытое окно. Он сможет. Здесь высоко, но можно простыню спустить.

А толстуха все не засыпала. Ходила по комнате, шуршала пергаментом...

Он весьма удивился бы, узнав, что дичь весьма опасна. Лиля помнила уроки своего детства. А лишний вес... Кто сказал, что он не может стать оружием?

Лиля чувствовала себя дико утомленной. Но спать не хотелось. Такое состояние.... Вроде бы тело ломит, а голова идеально ясная. И можно многое сделать. Поэтому она взялась за перо и пергамент. Фармакология. Самая нелюбимая когда-то. И надо ее записать первой, чтобы точно не забыть.

Примерно на втором метре пергамента ей надоело писать и она улеглась в кровать. Погасила свечу в массивном подсвечнике. Заложила руки за голову, задумалась.

А через пять минут и уснула.

Убийца выждал еще час – для надежности.

Лиля спала беспокойно. Металась, что-то говорила... Мозг не справлялся с обилием впечатлений и сбрасывал напряжение как мог.

Поэтому он выждал глубокого сна. И выскользнул из шкафа.

Скрипнула дверь.

По комнате пополз неприятный запах.

Лиля шевельнулась. Убийца замер.

Если проснется – придется работать грубо.

Но одной вони было мало, чтобы ее разбудить, слишком мало. После тяжелого дня – нет, Лиля не проснулась. И мужчина успокоился.

Может быть, просто подушкой? Придушить, подушку выкинуть, а там кто знает. Может быть, она во сне умерла...

Его намерения увенчались бы успехом. Шаг, еще шаг, вот и кровать, на которой вольготно раскинулась женщина... еще минута...

Но скрипнула еще одна дверь.

Попробуйте уложить перевозбужденного ребенка.

Который твердо решил спать с мамой. Ладно, с интересной тетей. И сказку!

Миранда Кэтрин Иртон не хотела спать. Она хотела слушать сказки. Но, открыв дверь, она увидела, как темная фигура наклоняется над кроватью графини.

И сделала единственное, что смогла:

– Лили!!!

Лиля проснулась мгновенно. И так же мгновенно пришла в себя.

Убийца метнулся вперед. И от души получил подушкой по морде. А подушка-то перьевая, тяжелая... Хорошо, что Лиля не успела их выкинуть или заменить на что-то более плоское.

На миг убийца просто опешил.

Лиле хватило момента оценить обстановку.

Мири!!!

Какого черта она закрылась изнутри на щеколду?! Эту дверь тараном не сразу вышибешь – дубовый массив. И то же в спальне графа. Оттуда тоже не пройти. От няньки пользы ноль.

Твою ж!!!

Лиля не думала связно, но в голове пронеслось обрывками:

Киллер! Заложники!

Кто бы ни был в ее спальне – он точно не картошки попросить пришел.

Вирмане должны услышать.

Миранда!!!

Затягивать схватку нельзя.

Убийца метнулся вперед. И получил оставшиеся подушки под ноги.

Одну! Вторую! Третью!!!

На миг споткнулся. А больше Лиле и не нужно было.

– Тревога!!! – пожарной сиреной взвыла она.

Убийца выругался и рванулся вперед, выхватывая нож.

Прирезать гадину! И уйти через окно.

Раз уж бесшумно не вышло. Главное, чтобы не поймали. А там разберемся. Отмазаться не удастся – сбежать получится!

У Лилиан Иртон были другие планы.

Женщина не тратила времени на то, чтобы встать. Она просто перекатилась и почти упала с другой стороны кровати. Благо шкаф и дверь находились в разных концах комнаты, почти друг напротив друга. И Лиля оказалась ближе к двери.

Но убегать было нельзя. Ударят в спину.

Мири прекратила визжать и замерла у двери светлым столбиком. Убийца пока не обращал на нее внимания, но Лиля помнила. И рвалась к двери, уводя киллера подальше от ребенка.

Черная тень вспрыгнула на кровать, и Лиля что есть сил рванула простыни.

Есть!

Вот теперь он свалился. Лиля бросила простыни на него сверху – пусть выпутывается, подхватила подсвечник и бросилась к двери.

Ей оставалось буквально два шага, когда она чутьем поняла – сейчас ударят. И развернулась.

Резко. Приняв привычную стойку. Пусть и не идеальную.

Ноги чуть пошире плеч, правая впереди, одна рука выставлена перед собой.

– Стой! Если ты убьешь меня, ты и сам умрешь!

Тень расхохоталась. А зря.

Потому что Лиле только и нужно было отвлечь внимание.

Она растеряна. Слаба. Беспомощна.

– Не убивай! Я дам тебе денег.

Убийца шагнул вперед.

Сейчас он прирежет эту толстуху!

Увы... Лиля опять нарушила его планы. Она просто упала. Она отлично понимала, что сейчас не справится с мужчиной. А вот что она может?

Да, только весом.

Упасть на колени, уводя себя из-под удара на пару секунд. И что есть силы – по ногам убийце. Тяжелым подсвечником. По коленной чашечке! Чтобы упал не на нее!

Есть!

Только пятки в воздухе мелькнули.

Черт!

Плечо пронзила резкая боль. Нож все-таки ее задел.

Лиля взмахнула левой рукой, отбивая оружие дальше в сторону. Предплечье тоже рвануло болью. Пара секунд. Потом он оправится, а если они сцепятся, ей не выиграть.

И Лиля сделала подлость. Наверное, мужчины ее бы не одобрили.

Она же с места не двигалась. Так что подсвечник никуда не откатился. Женщина схватила его и что есть сил шарахнула убийцу по яй... простите, половым органам.

Со всей дури.

И попала, конечно.

По комнате понесся жалобный вой.

Лиля уже беспрепятственно преодолела последние метры до двери и рванула засов.

В комнату влетели Ивар и Гэл. И навалились на киллера.

– Не убивать!!! – едва успела Лиля.

Вовремя. Вирмане послушались. Скрутили героя и представили пред светлы очи.

Лиля подошла к столу, взяла с него еще один подсвечник – на шесть свечей – и зажгла. Кремень и огниво она уже научилась использовать. При свете шести свечек она увидела одного из военных с расквашенной мордой.

– Так-так-так... И что это у нас здесь за явление? Как зовут?

Убийца сплюнул на пол, отказываясь отвечать.

Лиля зашипела. Ну все, гад! Ты нарвался.

– Что случилось?!

В дверь заглядывала Кальма.

– Госпожа графиня, вы ранены?!

Олаф коснулся ее плеча.

И только тогда Лиля пришла в себя.

Огляделась.

Убийцу скрутили в бараний рог. Кажется, это один из солдат. Лилия их не запомнила – все на одно лицо.

Миранда замерла у стенки, белая как полотно. Лилия отстранила Олафа и шагнула к девочке, не обращая внимания на шум в ушах.

– Малышка, с тобой все в порядке?

Миранда всхлипнула. Бросилась вперед. Крепко прижалась.

– Лилия!!! Лилия!!!

Женщина гладила ее по темной головке. На руки взять не могла. Плечо болело все сильнее, и она кивнула Олафу:

– Травника позовите.

И опять все внимание обратила на Мири:

– Ну что ты, малышка, не плачь.

– Я та-ак испугалась.

Лилия тоже испугалась. Но говорить об этом было нельзя.

– Ты же виконтесса Иртон, ты должна быть сильной и храброй. И ничего ведь не случилось.

– А у тебя кровь.

– И что? Мне вовсе даже не больно.

Вирмане глядели с уважением. На шум сбегался народ, и все замирали в дверях.

Картина маслом по бутерброду.

Толстая женщина в розовом балахоне, изрядно заляпанном кровью, успокаивает маленькую девочку в белой рубашке. Рядом – вирмане с топорами и кинжалами на изготовку. На полу связанный убийца. Из дверей в спальню графа, где и разместили Миранду Кэтрин Иртон, выглядывает перепуганная прислуга.

– Ваше сиятельство!!!

В дверь влетел Лейс Антрел. И замер как вкопанный, глядя на солдата на полу.

– Вы живы?!

– Вот уж не благодаря вам, – окрысилась Лилия. – И вообще, что это за командир личной дружины графа, у которого солдаты на графиню покушаются? – Лилия не орала в голос только потому, что не хотела пугать Мири еще больше. Девочка и так вся дрожала.

– Ваше сиятельство, это...

– Да вы подойдите, подойдите. Поглядите, руками пощупайте.

Яда в Лилином голосе хватило бы на отравление пары-тройки рек. Ну и на небольшое войско осталось бы.

– Вдруг это вовсе даже не ваш солдат. И убивать он меня не хотел, так спинку почесать... ножиком...

В толпе слуг послышались неуверенные смешки. И Лилия окончательно озверела:

– Весь ваш отряд и вас, как командира, за такое под суд отдать надо!

– Ваше сиятельство...

– Что?! Уж сколько лет, как сиятельство, – и тихо, почти шепотом: – скоро сама засияю!

Мири неуверенно хихикнула.

Лилия забыла обо всех и погладила ее по голове.

– Малыш, ты успокоилась?

– Д-да... – малявка отлепилась от Лили. – А что теперь?

– А теперь мы выясним, за каким этому уроду...

– Это Томас Дорт, ваше сиятельство, хороший парень, он у меня уж года два. – Лейс выглядел просто убитым.

Лиля даже его немного пожалела. А потом в ней проснулась мелкая интриганка:

– И сколько графинь он прирезал за эти два года?

Кажется, убийца хотел что-то сказать в свое оправдание. Но где там! Кляп – вещь хорошая. Даже если на него перевели... Млин!

Лиля обнаружила, что вирмане веревки и кляп сделали из ее нижней юбки. Вот гады!

Но ругаться не стала.

Переживем. Сейчас важнее на Лейса наехать.

– Полагаю, Лейс, вам надо присутствовать на допросе?

– Да, ваше сиятельство.

Лиля кивнула вирманам:

– Волоките его в подземелье. Можете попинать, но без меня не допрашивать, ладно? Я оденусь и приду. И вообще – выметайтесь, хватит тут на графинь в неглиже паяться!

Все дружно закивали. И даже начали выметаться. Частично.

Гэл с Иваром поволокли убийцу. Лейс начал разгонять слуг в коридоре.

– Ваше сиятельство, вам бы ра...

Лиля так сверкнула глазами на Олафа, что тот заткнулся без пояснений. Кивнула на Миранду. Мол, не пугай мне ребенка. И бросила взгляд на Кальму.

– Вот что, голубушка. Иди-ка сюда. И занимайся своими прямыми обязанностями.

– В-ваше сия-тельство?

– Увижу, что у тебя ребенок по замку бегают без присмотра, – выгоню. Ты мое терпение исчерпала. Поняла?

Кальма закивала. Лиля подняла Мири за подбородок.

– Так, малыш. Дай мне одеться. Я сейчас разберусь со всем и приду. Расскажу тебе еще одну сказку на ночь. Хорошо?

Мири закивала.

– А с тобой все в порядке? Правда?

– Честное слово.

В дверь влетел Тарис Брок и замер, остановленный холодным взглядом. Вопль буквально замерз у него на губах.

– В-ваше сиятельство...

– Тарис, я жива и цела. Подождите, я уложу Мири, и мы поговорим.

Лиля проводила малышку в ее комнату, сверкнула глазами на няньку и опять отправилась к себе. Ей было откровенно плохо. Два пореза были не очень глубокими, она это понимала. Но кровоточили и болели они по полной программе.

У-у-у...

Лиля могла бы остановить кровь. Но не хотела. Кровь шла не слишком сильно, и большой потери... Да из такой тушки литр сцедить можно – не заметит! Кто его знает, что на ноже у убийцы? Он им мог позавчера крысу потрошить или задницу чесать! А ей инфекция не нужна. Пусть лучше кровью вынесет грязи сколько получится, чем потом гноиться начнет. Антибиотиков здесь пока еще нет. И вряд ли она их изобретет, валяясь в бреду.

Джейми-таки появился. И тут же принялся за лечение:

– Ваше сиятельство, сядьте.

Лиля повиновалась.

– Мне надо будет осмотреть ваши раны.

– Я сейчас позову Марту, она мне поможет. И Эмму.

– Я здесь, ваше сиятельство.

– А Марта?

– Ваше сиятельство, она ведь старенькая уже... Я ее будить не стала.

Лиля кивнула.

Действительно, по местным меркам ее нянюшка уже стара. За полтинник. Да и она себя старухой чувствует. Вот и не проснулась, когда шум поднялся.

– Хорошо. Эмма мне поможет. А остальные – вон. Тарис, друг мой, прошу вас выйти. Мне сделают перевязку, и я позову вас.

Тарис закивал и вышел вон. Глаза у него были – по рублю. Еще царских времен.

Лиля посмотрела на Джейми:

– Отвернись, рубашку сниму.

Парень покраснел, но отвернулся. Эмма помогла Лиле снять рубашку и набросить новую, без рукавов. Лиля быстро оглядела себя.

Ничего страшного.

Порез на плече, даже скорее разрез – задел, когда падал. Мышцы слегка задеты. Ну да переживем, рука все равно левая. Надо зашить и перевязать.

Без наркоза, млин! Даже без стопки фронтальных – Лиля подозревала, что ее поведет и с двадцати граммов самогонки, а голова нужна ясная.

Хотелось скулить и плакать.

Нельзя.

Она – графиня. И хозяйка этого дома. Она обязана являть пример стойкости.

Лиля стиснула зубы. И только зашипела, когда Джейми по ее приказанию плеснул самогонкой на рану. И сразу же на вторую.

Вторая, кстати, была противнее.

Чуть сухожилия не переполосовал, скотина. Что бы она тогда делала?

Не-эт... Этого гада она точно повесит!

Подумала – и сама себе ужаснулась.

«Ты же врач. Ты клятву Гиппократова давала...»

Ага. И теперь обязана лечить скотину, которая бы меня прикончила? Щаз-з-з-з-з. Только шнурки завяжу!

Ты всех лечить обязана. А ты человека обрекаешь на смерть»...

Но особого внутреннего протеста в душе не было.

Ну обрекаю. На смерть. И что?! Не я его убить пыталась. А даже в Библии – поднявший меч от меча и погибнет. И закончим о гуманизме.

Джейми зашивал ей рану шелковой нитью, вымоченной в спирте. Лиля комкала подушку и стискивала зубы, чтобы не заорать. Эмма подавала всякие мелочи и проявляла сочувствие.

Наконец (лет так через пятьсот по Лилиным меркам) рана была зашита, щедро смазана медом и перебинтована. Остатками ее нижней юбки.

Так, все. Надо срочно озаботиться бинтами. Достали уже одежду портить!

Лиля поблагодарила Джейми и отпустила его. Эмма помогла ей одеться, сочувственно вздыхая.

– Ваше сиятельство, окаянство-то какое...

– Да уж...

Лиля вздохнула.

А не приди Мири, и ее могли бы придушить подушкой. По-тихому. И никто бы и ничего бы...

Не доросли тут до слова «экспертиза».

Да и вообще, первый ли это убийца в ее молодой жизни?

Интересно, а вот с лестницы, когда ждала ребенка, она сама упала?

Паранойя?

Товарищ, если у вас паранойя, это не значит, что за вами никто не следит. Одно другому совершенно не мешает.

Лиля благодарно кивнула Эмме и отправила ее к Мири. Пусть приглядит. Лишней там она не будет. А к себе позвала Тариса Брока. Благо, тот ждал за дверью.

– Ваше сиятельство! Да что ж это творится такое?!

– Покушение на убийство, – Лиля грустно улыбнулась, решив взять от ситуации по максимуму. – Видимо, кому-то я сильно не нравлюсь. Мало, что я упала с лестницы, что потеряла ребенка, что управляющий разворовал все что только мог, что супруг навещает меня раз в полгода. Кому-то надо меня еще и убить.

На глаза навернулись слезы. Вообще они далеко и не уходили после художественной штопки. Но Тарис растрогался и смотрел сочувственно.

– Ваше сиятельство, а ваш отец в курсе?

– Что вы, Тарис, разве я могла бы так его волновать?

– Он же ваш отец!

– Теперь перед Альдонаем и людьми ответственность за меня несет муж. Которому я безразлична.

– Ваше сиятельство, я буду вынужден рассказать вашему отцу о покушении!

Лиля пожала плечами.

– Полагаю, что это ничего не изменит. Но если вы пожелаете, рассказывайте.

– Обязательно расскажу! Отец вас любит, беспокоится, а вы тут в таком ужасе!

Лиля изобразила нечто вроде страдающей Магдалины. Или кто там из святых страдал? Не сильна она была в этом.

– Альдоной терпел и нам велел...

Еще минут десять беседа продолжалась в том же духе. Наконец Тарис заявил, что останется еще дня на три, пока не будет уверен, что с графиней все в порядке, и ушел.

Лиля коварно ухмыльнулась.

Все.

Ты уже мой.

Хотя сам еще этого не понял.

Здесь принято оберегать и защищать женщин. Пусть только аристократок. Но – принято. И ты будешь меня защищать. Ты уже считаешь, что это правильно и хорошо. И отцу все доложишь в нужном ключе. Плюс письмо. Я-то ему писать ничего не буду. Ты страшнее распишешь.

А теперь – в подземелье. Посмотрим, что там уже сделали с убийцем.

Лиля накинула теплый плащ. А волосы даже закалывать не стала. Взяла подсвечник, пару лучинок и вышла за дверь.

Там ее уже ждали. Олаф и Эльг. Лиля кивнула:

– Проводите меня?

Мужчины построились: один впереди, один – сзади.

Лиля не ходила в подземелье. Темница, пыточная.... Это ведь все было. Рядом с подвалами, где хранились запасы на зиму. Но ей не хотелось думать об этих местах. Как-то надеялась, что не пригодится.

А вот вирмане подумали.

Петли не скрипели. Горели факелы. А Ивар, Гэл, Лейс и убийца ждали их в допросной. Правильно. Ни к чему тут посторонние!

Лиля оценила тяжелый стол с кольцами, с желобками для стока крови, к которому был привязан убийца, и довольно кивнула:

– Сопротивлялся?

– Денег обещал, если отпустим. – Лицо Ивара было откровенно насмешливым. Лиля тоже фыркнула.

– Денег обещал? Ну что, дружок, кто тебя послал? Колись!

Рядом рявкнул медвежьим басом иначе и не скажешь, Гэл, обещая убийце что-то веселое. Типа посадки на кол.

Рявк не произвел впечатления, и Лиля тут же успокоилась. Нечего орать, если не поможет.

– Что с ним делать?

Вообще-то она знала, что такое допрос в полевых условиях. Но самой... Не та специализация. И рука болит.

Вирмане глядели с сочувствием. Высказался Ивар:

– Ваше сиятельство, может, вы бы за дверью подождали? А мы уж тут?

Лиля покачала головой:

– Нет. Он хотел меня убить. Я должна знать.

Ивар глянул с уважением. И показал на большую скамью:

– Может, посидите там?

Лиля кивнула. Отошла к стенке и уселась. А Ивар склонился над пленным.

– Рот ему завяжите.

Приказание было тотчас же исполнено.

Ивар ласково глядел в выпученные глаза.

– Не страшно? Понимаешь, что мы сейчас с тобой сделаем, и пощады не просишь? Это хорошо. Я таких люблю... Очень люблю. С тобой можно будет долго играть, прежде чем ты попросишь пощады. А то игрушки так быстро ломаются, это просто ужасно...

Голос его был искренне огорченным.

– Я с тобой буду играть. А ребята мне помогут. Ребята, у кого есть нож?

– Вы его не убьете? – поинтересовалась из угла Лиля.

– Зачем? Сначала мы что-нибудь попроще сделаем. Иголки под ногти, например. Потом ногти обдерем. А потом и шкурку драть начнем. Солью посыпая. Ради хорошего дела ведь не жалко.

– За солью сходить? – уточнил один из вирман.

Ивар пожал плечами:

– Погоди пока. Эмму среди ночи будить неохота. Мы пока по-простому.

Нащепать ножом лучинку на тоненькие острые щепки?

Пара секунд.

И вирманин цепко ухватил убийцу за руку:

– Ты со мной можешь даже не разговаривать. Я люблю людей резать.

И ловко вогнал первую щепку под ноготь.

Убийца взвыл даже через кляп и выгнулся на столе. Но кольца и веревки держали крепко.

А Ивар продолжал. Медленно, с чувством, комментируя каждое действие. Вгонял щепки, расшатывал, объяснял, что потом просто будет отдирать ногти и опять вгонять щепки уже в живое мясо. Лиле тошнило. Но она старалась не показывать виду.

Так прошло минут двадцать. И только потом вытащили кляп. Лиле это время показалось годами. Но она молчала. Не надо. Не лезь, девочка. Терпи.

Мерзко. Но необходимо. Здесь еще не придумали «сыворотку правды».

– Ты ведь не будешь говорить, кто тебя послал? Правда?

Убийца выдохнул пару ругательств. И вирмане опять взяли за кляп. Кажется, он хотел остановить процесс? Лиля не решалась ничего сказать. Она только наблюдала. Есть вещи, в которые лучше не вмешиваться. Присутствовать она обязана, как графиня Иртон. А вот пытаться

самой – еще не хватало. Но... пальцев всего двадцать. Они обработали руки, сняли сапоги... Эта скотина ноги моет? Или только носки на водку меняет?

Когда закончились пальцы на ногах, убийца уже потерял всякое самообладание. Он дергался, мычал, скулил что-то сквозь кляп.... Лиле было мерзко до предела. Но простите, это ее жизнь. И жить еще охота.

А если она не узнает, кто ее заказал, где гарантия, что за одним убийцей не придет следующий?

– Пощадите!!! – завопил сломленный мерзавец, как только ему вынули кляп. – Я все скажу!!!

– Кто тебя нанял?

– Он не назвал себя.

Ивар взялся за кляп.

– Я знаю, зачем он это сделал!!!

– Вот как?

– У его телки шашни с графом Иртоном.

Лиля вскинула брови. То есть? Жена помирает в глуши, а супруг себе кого-то нашел? Очень, очень мило...

– А телку как зовут?

– Аделаида Вельс.

Главное Лиля узнала. Остальное было деталями. Женщина посмотрела на Ивара.

– Продолжайте расспросы. Я выйду. Здесь душно. Да и товарищ обгадился... Мне это не нравится.

– Как скажете, ваше сиятельство.

– И не убивайте без моего разрешения. Вдруг еще пригодится?

– Слушаюсь, госпожа графиня.

– Утром расскажете мне, что он еще скажет. Когда я вернусь с богослужения. И работайте.

– Проводи, – кивнул Ивар Олафу и наклонился над убийцей.

Последнее, что слышала Лиля:

– Если почую, что соврал, – шкурку драть не буду. Вместо этого сделаю лучинку поострее, засуну тебе в зад и подожгу. Только так запоешь...

Лиля едва прошла пять шагов. А потом упала на колени, и ее вырвало.

Не от ужаса, нет. Тут все наложилось. Страх за свою жизнь. Адреналин от схватки. Боль от раны. И пытка тоже.

Резать человека на операционном столе было не страшно. Тоже мне, трагедия. А вот наблюдать за пыткой, всем видом показывая, что тебе скучно и вообще лучше бы ты «Дурдом-2» смотрела... Это было гадко и мерзко.

И Лилю рвало.

Жестоко и мучительно, одной желчью.

Олаф поддержал ее за плечи, протянул что-то вроде тряпки. Лиля вытерла лицо и сплюнула.

– Вы его дожмете?

– Да. Не бойтесь, госпожа.

– Я не боюсь. – Лиля всхлипнула. – Не за себя. Там же Миранда была... А если бы эта мразь на нее руку подняла? Я взрослая, а она-то ребенок! Беззащитный!

Вирманин помрачнел.

– Мы будем вас защищать.

– Лучше научите нас с Мирандой защищаться самостоятельно.

Лиля кое-как доползла до комнаты и упала на кровать прямо в одежде.

Надо бы зайти к Мири, проверить, как она там, но сил не было ни на что. Даже плащ снять.

Тошно... Как же тошно... пытать живого человека... а там, за линией горизонта, кто-то хочет тебя убить.... За что?

Просто так. Потому что ты – графиня и твой муж не держит штаны завязанными.

Просто так...

Лиля тихонько плакала.

Тихо-тихо, чтобы никто не слышал. Ей было очень плохо.

Болела рука. На душе было гадко.

Завтра она опять будет сильной. Она будет улыбаться, будет шутить и смеяться, она постарается найти подход к пастору Воплеру, но сейчас – сейчас она просто слабая женщина. Которой не на кого рассчитывать, не на кого опереться, которую предал муж.

Лиля и сама не знала, сколько в ней от Али, а сколько от Лилиан...

Ей просто было больно.

Глава 2

СВЯТ-СВЯТ-СВЯТ...

Лиля так и не уснула. И даже не пыталась.

Болела рука, спина, колени... короче – все. А после истерики еще и горло.

Поэтому лицо в порядок она приводить даже не пыталась. Козе понятно – если его в три слоя штукатуркой не покрыть, ничего не скроешь. Ни красных глаз, ни отеков, ни... эх, не надо было плакать... А что она – не человек?

Не всегда же получается себя контролировать! Хватит и того, что никто не видел. А думать – что хотите, то и думайте. Мне на молитву надо.

Лиля напаялила розовый балахон из тех, которые не продала и не перешила. Так лучше. С пастором надо искать общий язык. Так что вид должен быть традиционным. Это пока ей удавалось изворачиваться. Сначала разыграть истерику, а потом уехать. Вот пастор с ней и не пересекался. А ведь должен. Должен, потому как она самая крутая прихожанка в окрестностях. И денег с нее получить, и пример она должна подавать людям... Короче, никак им не разминуться. И это не поверенный мужа. Пастора травануть не выйдет. Да и удалось бы – следующий лучше не будет. Еще и пастор Лейдер... жиголо!

Других выражений у женщины не находилось. Но лучше уж это учсть. И не давать повода для приезда. А то, что священники между собой связаны, это и к гадалке не ходи.

Кстати, какое горе, какая беда – сильно заболел Ширви Линдт. Беднягу рвало, плющило и колбасило по полной. Всю ночь. Ему даже не до графини было – его наизнанку выворачивало. Он страдал.

Так что он на службу не поехал. Зато отправились все остальные.

Лиля окинула взором слуг вперемишку с учителями, поудобнее перехватила мелкую и уселась в карету. Храм был примерно в часе езды. Вот и считайте. Рассвет в шестом часу, выезжать надо в пять, даже раньше, а учитывая, что надо одеться и привести себя в порядок...

Мири посапывала в карете.

Эх, тяжело жить на свете белом...

Няньку Лиля брать не стала, мол, от нее потом воняет, и лук Кальма жрет без ограничений, так что няньке пришлось трястись на телеге, со слугами. Конечно, это ей не понравилось. Ну и пусть.

Переживем.

Слава Гиппократу, сегодня ночью все обошлось. Лиля приложила к лицу капустный лист, поплотнее завернулась в теплый плащ и подумала, что надо проверять всех приезжающих. Но как?

Ладно.

Лейсом сегодня же надо заняться. И так его додавить, чтобы он по струнке ходил. Для его типа людей такое страшнее динамита. В его отряде убийца. Он за него отвечал, поручился, и вдруг...

Но солдат надо бы проверить. И поселить вне дома. В деревне? Или на территории замка есть что-то типа казарм? Должно быть.

А ведь у нее в доме останутся учителя.

А к тем приставить вирман. И чтобы чихнуть втайне не могли.

Нет, так рано вставать она не согласна. Надо как-то поговорить с пастором. Пусть, что ли, службы в Ироне проводит. Пару раз в неделю.

А почему нет?

А она оплатит ремонт церкви, ну и там что-нибудь еще хорошее. Главное, дать понять, что ее инициативы богоугодны. Потому как служанка Мальдонаи на церковь отстегивать не будет.

Ладно. Договоримся.

С собой Лиля везла подарок. Тот же самый. Перо и чернильницу. Хельке дал ей несколько штук про запас. Мало ли кому, мало ли что.

Пастору она выбрала не особо роскошный. Серебро, без украшений – нечего баловать.

В голове вертелись мысли о бумаге. Пергамент – невыгодно. Береста – несолидно. А вот если сделать бумагу... папирус. Из чего делали папирус?

Сорт камыша?

Вроде бы.

Ну тут вся округа в болотах и лесах. Послать, чтобы камыш нарезали? Почему нет. И попробовать поэкспериментировать. А там и на печатный станок можно замахнуться. Даже пусть на наборный. Все равно по местным меркам – это такое будет...

Ага, шашлык из тебя будет. Ты хоть головой думай.

Такие инициативы – и без согласования с церковью? Ай-ай-ай!

Или хотя бы с властями. Но власть-то тут она. А вот насколько? Толпа – животное. Управляемое инстинктами. Религиозность – как раз инстинкт.

С пастором надо искать общий язык.

Так, за размышлениями, Лиля и доехала до места. Надо было верхом ехать, ей-ей... Нет, ну как делались рессоры? Почему она не инженер?

Храм не впечатлил. Откровенная избенка. Только что в два этажа. А так...

Иконы внутри облезлые, свечи даже не употребляются, короче, принцип тот же, что и в России. Если храм находился на территории столицы или областного центра, священник откусывал неплохо. А если где-нибудь в деревеньке... Ну тогда посты соблюдать приходится. И лучше – все. Ибо на пожрать и то денег не хватает.

Нельзя сказать, что Лиля устыдилась. Или что у нее проснулась совесть. Еще чего!

Но как рычаг для давления она это отметила.

Пастор встретил ее на пороге.

Лиля механически совершала все положенные телодвижения, а разум холодно отмечал, что ряса старая, материя кое-где заштопана, да и щеки как-то у товарища не то чтобы сытенькие...

– Я рад видеть вас, ваше сиятельство.

– А я как рада, – соврала Лиля. – Может быть, вы уделите мне время после службы? Сейчас мне не хотелось бы отвлекать вас... Это надолго.

– Разумеется, госпожа графиня.

На том и сошлись.

Лиля послушно отдремала всю службу на скамейке. Да-да, хоть и не хотела, но глаза сами закрывались. Воздуха мало, он спертый, а нехватка кислорода так мозг отключает, что ой-ой-ой... Как это сочеталось с дикими сквозняками, шут его знает. Но одно только подчеркивало другое. Разогнать духоту у сквозняков шансов не было. А вот просквозить...

Лиля куталась в теплый плащ и мечтала об унтах.

И об анальгине с димедролом.

Мири посапывала рядом. Они обе заняли первую скамейку. Остальные толпились сзади, отсеченные бдительными вирманами. Ибо не по рылу крестьянам даже близко к ее сиятельству подходить.

Шут его знает, как бы сложилась беседа Лили и пастора. Но на помощь женщине пришла сама судьба. В виде дешевой местной лампочки. Плоская с жиром, в ней плавает фитиль – и горит. Правда, чадит и воняет, но это же мелочи!

Служба окончилась. Люди стали выходить из храма на воздух. И местный служка принялся тушить фитили. Графиня явно смущала его, он оглядывался, косился, спотыкался. И...

Из-под ног мальчишки метнуласьмышь. Тот дернулся. Плوشка и так висела выше его головы. Рука неловко взмахнула, и масло выплеснулось на стену.

Та вспыхнула, как олимпийский факел. Словно ее неделю керосином поливали.

– Берегись!!! – завопил пастор, бросаясь к ребенку.

Насовершать глупостей не дали вирмане, которые оперативно выкинули из храма Лилю с Мирандой, а затем и пастора с ребенком.

– Там кто-то еще остался? – мрачно посмотрел Олаф на полыхающую церковь.

– Н-нет... – пастора била запоздалая дрожь.

Лиля вздохнула. Не остался – и ладушки. Сгорела – и дважды ладушки. В такую церковь и свинью-то не поселишь. Надо бы новую строить. А то народ не одобрит.

Интересно, сколько это будет стоить? Лиля посидела еще пару минут, глядя на огонь, который даже и не пытались тушить – только окатывали водой соседние дома. Чтобы они не занялись. А пастор смотрел на огонь совершенно мертвыми глазами.

Еще бы. Вряд ли здесь священники в такой громадной цене. Приходы заняты, а бродить по дорогам или искать новый... Грустно это звучит.

Одной рукой пастор прижимал к себе служку, и Лиля отметила их сходство. Отец и сын? Ладно. Она еще узнает.

Лиля поднялась с земли, почти сама.

– Пастор, я понимаю ваше горе. Но и вы поймите меня...

– Да-да... – Опустил голову пастор. – Моя церковь сгорела, а графство бедно. Эдор говорил мне об этом каждый раз.

– Эдор воровал все, что движется. А что не движется – продавал и тоже воровал, – огрызнулась Лиля. – Графство бедно, но на храм у меня деньги найдутся.

В карих глазах пастора загорелись удивленные огоньки:

– Ваше сиятельство?

– Да, я. Пастор, где вы живете?

– У нас была комнатка над храмом.

– Нас?

– Я и мой сын.

Лиля едва успела подхватить челюсть. Сын?!

Хотя... А чего она удивляется?

Жениться здесь запрещено только с ранга альдона. А если до того – плодись и размножайся, сколько влезет.

– Пастор, это ваш единственный сын?

– Да, ваше сиятельство.

– Угу. А жена?

– Мария умерла от родильной горячки два года назад. Ребенок тоже не выжил... девочка...

Лиля положила мужчине руку на плечо.

– Пастор Воплер, вы же понимаете, что нам надо ехать в замок?

– Ваше сиятельство?

– У нас есть два варианта. Я могу написать мужу. Спросить разрешения. Потом, пока письмо дойдет, пока он ответит... Или я могу просто выделить деньги на постройку нового храма. Ну и нормального дома для вас. Вы присмотрите за строительством, а пока поживете в замке.

– Ваше сиятельство...

Вздых был определенно благодарным.

– Как зовут вашего сына, пастор?

– Марк.

– А Марк, пока вы будете заниматься постройкой нового храма и нового дома, будет учиться вместе с Мири.

– Ваше сиятельство?

Его что – заклинило?

– Ну да. Супруг прислал с девочкой аж трех учителей. Какая им разница – одного ребенка учить или двух?

– Э-э-э...

– Мири не будет возражать.

Лиля посмотрела на Миранду, которая громадными глазами уставилась на горящую церковь.

Конечно не будет. Особенно если мачеха поделится кое-чем из своей бурной молодости. Вы никогда не пробовали подsunуть учителю в стол штук пять медведок? Они так забавно визжат. Учителя в смысле. Медведка – насекомое молчаливое.

А подбросить на батарею смесь анальгина с перекисью водорода? Как, вы не знаете, что получится? А зря. Там получается очень красивый белый дым. Часто не попользуешься – рассекретят, но несколько четвертных контрольных они так отменили...

Лиля усилием воли отогнала воспоминания и улыбнулась пастору:

– Я полагаю, что у нас должен быть храм. Большой и красивый. Лес я выделяю. Людей тоже. И пусть стараются. Вы приглядите за работниками. А службы... Я считаю, что в замке должна быть своя часовенка.

– Ваше сиятельство!

– Да-да. Вы подберете место, скажете слугам, и они постараются. А предметы культа закажем через моих знакомых в Альтвере. Вы не будете против?

– Что вы, госпожа графиня! Что вы!!!

– Тогда предлагаю не ждать, пока догорит, а грузиться в карету.

– Э-э-э...

– У вас есть что-то, что вы хотели бы взять с собой?

– Все, что у меня было, осталось там, – кивнул пастор на горящий храм.

– Ага. Тогда по приезде я познакомлю вас с моей домоправительницей. Эммой. Скажете, что вам нужно. И у меня живут несколько девушек-швей. Они вам сошьют облачение. Да и ребенку одежда не помешает, в том числе теплая. Зима на носу.

– Ваше сиятельство, как я смогу отблагодарить вас за вашу доброту?

Лиля могла бы с ходу припечатать – не лезь в мои дела, и будем квиты. Но...

Она уже поняла, что это за тип священника.

И поняла, почему у него могли не сложиться отношения с прежней Лилян.

Редкий зверь, называется «священник верующий умный». Надо сказать, омерзительное существо, искренне любимое своими коллегами только в ранге мученика. А во всех остальных случаях...

Они не выжимают деньги из верующих.

Не привлекают в церковь паству.

Не говорят людям то, что они хотят услышать.

И – о ужас! – отказываются от пожертвований на церковь в пользу школ и детских домов, которым больше надо.

И за что такого любить? Нет бы, как все приличные люди, доить паству и ездить на джипе. А он! Старается помочь людям. Идиот!

Обычно таких засылают куда подальше. Что, видимо, и случилось с пастором Воплером. Изыди, противный, и не мешай братьям по вере интриговать и стричь капусту.

Такую глушь, как Иртон, еще поискать.

А вот найти такого священника – громадная удача. Они действительно целители душ. Но с Лилян Иртон он явно не ужился бы. А вот с ней...

– Позаботьтесь о душах людей, которые живут на моей земле. Это будет главной наградой.

Карие глаза блеснули восторгом.

И Лиля внутренне расплылась в улыбке. Так его!

Ты у меня еще с рук кушать будешь.

– Пастор, в моем замке есть много книг, в которых рассказано о деяниях святых. Возможно, вы выберете себе что-нибудь в подарок?

– Ваше сиятельство!!!

Фанатик. Честный, верующий... Надо вот только выяснить, чего больше, ума или фанатизма. Если ума – они с ним сработаются. Если фанатизма – тоже. Но надо быть очень осторожной.

– Пойдемте, пастор. Здесь нам пока делать нечего.

В толпе крестьян Лиля заметила Арта Видраса. И взмахнула рукой, подзывая мужика. Тот подбежал и согнулся в поклоне:

– Ваше сиятельство?

– Когда догорит – расчистить место. Будем строить новую церковь.

– Как прикажете, ваше сиятельство.

– Завтра пастор приедет посмотреть. А будете отлынивать, пришлю вирман с плетями.

Лиля почувствовала себя матерой феодалкой. Но нельзя иначе. И по-хорошему тоже нельзя.

Просто не поймут.

– Ваше сиятельство! – Арт рассыпался в уверениях, что все будет сделано, всенепременнейше, сразу же, как только, так и...

Лиля кивнула и в сопровождении вирман пошла к карете, ведя за ручку Мири. За ними с сыном шествовал пастор. Толпа послушно расступалась, и люди сгибались в поклонах.

Феодализм, чтоб его!

В замке Лиля поручила пастора с сыном заботам Эммы. А сама взялась за Мири:

– Малыш, ты как относишься к компании?

– Какой?

– Если будешь посещать уроки в компании Марка?

– Зачем?

– Как – зачем? Вдвоем же интереснее!

Взгляд Мири выражал сомнение. Лиля ухмыльнулась:

– Вот смотри. Если ты одна – учитель занимается только тобой. А если вас двое, то вам легче. Например, хорошие манеры, танцы... Вам будет с кем это отработать, разве нет?

Мири неуверенно кивнула. И Лиля усилила нажим:

– К тому же ты – будущая графиня. И ты обязана заботиться о тех, кто живет на твоей земле. А я вас буду еще учить драться. Вдвоем это интереснее, вот спорим, ты его победишь?

– Я?!

– А то кто же! Тебе надо с кем-то тренироваться. А побьешь его, и всех остальных тоже побьешь.

– Правда?

– Обещаю. Я тебя научу, как побить любого. Только видишь, я крупнее тебя. А отрабатывать удары надо с кем-то равным по весу.

Взгляд малявки выражал сомнение.

– Давай так. Мы попробуем. А не понравится, выгнать мальчика всегда успеем. Хорошо? Мири кивнула.

Лиля довольно улыбнулась.

Пусть.

Во-первых, дети всегда лучше учатся в небольшой компании. Дух соперничества, если его правильно поддерживать, – это сила.

Во-вторых, она не врала насчет тренировок. Приемы надо отрабатывать на равном тебе сопернике. Мири девочка крупная, а мальчишка мелкий. Так что нормально.

И самое главное. Третье. Пусть Мири привыкает общаться с разными людьми. Будь она трижды графиня – не важно! Здесь люди делятся на господ и холопов, и это страшная инерция мышления. А если у Мири ее не будет, она сможет многого добиться.

Пусть учится относиться к людям по-человечески. И судить по их личным качествам, а не по происхождению. Да и вирмане скоро приедут. А Лиле хотелось бы, чтобы они остались. Лучший способ привязать к себе родителей – это дети. Пусть дети вирман учатся вместе с Мири, дерутся, играют. Когда-нибудь малышке понадобятся свои люди. И их не придется далеко искать.

Одним словом, ребенка Лиля убедила. А еще через час-полтора в дверь библиотеки, где она упорно записывала все, что помнит из фармакологии, постучался пастор.

– Ваше сиятельство?

– Да, пастор. Заходите.

Лиля быстро перевернула свиток, и теперь на нем красовалась история какой-то святой.

– Я пришел поблагодарить вас за прием.

– Эмма вас устроила?

– Да, ваше сиятельство. Хотя должен заметить – это необычно. Управляющий...

– Вы же знаете, пастор. Эдора загрызли волки. А замены ему до сих пор нет. Эмма же прекрасно справляется.

– Но она – женщина.

– И я тоже, пастор. Но, может быть, именно женщины, с их искренним желанием помочь всем страждущим и нуждающимся и нужны в этом мире? Альдонай создал мужчин и женщин так, что мужчины должны оберегать дом, воевать, защищать. А женщины обязаны сделать так, чтобы мужчина возвращался домой с радостью. Вот мы с Эммой и стараемся. Я понимаю, что это непривычно, но у нас просто нет выбора. Никто за нас ничего не сделает.

– Ваше сиятельство, а вирмане? Пираты, безбожники?

Лиля возвела глаза к небу:

– Да, пастор. Я знаю это. Но я полагала, что вы сможете привести их души к свету. Подумайте сами, если бы я их не наняла, они бы так и закоснели в грехе. А сейчас у вас есть шанс спасительно подействовать на их души.

Тоска вдруг грызнула с такой силой, что на глаза аж слезы навернулись. Пастор встревоженно вскинулся.

– Ваше сиятельство?

– Нет-нет... Все в порядке... Ах, пастор, какое несчастье – этот пожар. Как хорошо, что вы у нас есть. Раньше я вас не ценила по достоинству, а вот когда случается несчастье, когда лишаешься ребенка...

Вместо ответа пастор осенил себя знаком Альдоная.

Лиля повторила за ним и принялась читать одну из молитв, которые хранились еще в памяти Лилиан. Молитва, кстати, так и называлась «Об облегчении страданий человеческих».

Пастор наблюдал за тем, как она молилась, и лицо его разглаживалось с каждым словом. Лиля заметила это и закрепила положительный эффект еще двумя молитвами.

Так держать.

Наконец пастор сотворил знак Альдоная, и Лиля поднялась с колен. Не молиться ведь на ногах! Хотя ушибленные во время драки с убийцей колени ныли нещадно. Ну да ладно. Перетерпим.

Во взгляде мужчины оставались еще сомнения. Ну да. Решительность, домоправительница, вирмане по дому бегают... И Лиля решила добавить:

– Прошу вас разделить мою скромную трапезу.

Судя по удивленной гримасе на лице пастора, он не ожидал от графини такой скромности. Овсянка, в которую она не положила ни меда, ни варенья, кусок сыра и стакан воды. Холодной, колодезной.

Есть не хотелось. Температура все-таки поднялась. Немного, но неприятно.

Самому пастору подали и мясо, и грибы, и яйца.

Несколько минут он смотрел на Лилю, а потом разродился:

– Дочь моя, вы проявляете похвальную умеренность.

Лиля опустила глазки еще раз. Может, проще и не поднимать? Точно, не споткнешься.

– Пастор, я не могу объедаться, когда на моих землях от голода умирают дети. Это страшно.

– Это...

– Это тоже после потери ребенка. Я должна вести благочестивый образ жизни, тогда меня простят за мои прежние грехи.

Глаза стали уже теплее. Так держать.

– Пастор, вы ведь не будете возражать, если Марк будет учиться вместе с Мири?

– Да, разумеется.

Еще бы ты возражал. Такая халява! Образование тут по цене брюликов.

– И в том числе учиться защищать себя.

– Ваше сиятельство?

Лиля сделала постное лицо. И рассказала про убийцу.

Пастор охал. Ахал. Ужасался. И под конец спросил:

– Ваше сиятельство, как же вы спаслись?!

– Божьим чудом, не иначе. Но ведь могли покушаться и на Мири. А девочка беззащитна. Мальчик тем более должен уметь защитить себя. Пусть занимаются вместе. Вирмане их поучат.

Сейчас это прокатило без возражений. Еще бы, на фоне таких новостей.

Лиля подумала, не закинуть ли удочку на тему своих целительских способностей, и... Мало ли, вернется муж, а она под крылышко церкви, но потом решила обождать.

Так она – графиня. Какая-никакая, но не быдло. А вот если она попадет под патронаж церкви...

Титулов там нет. Зато есть большие проблемы. На тему подчинения. И все, что она делает, отойдет церкви. А в монастырь ей не хочется. Да и монастыри теми еще гадючками были в Средние века. Проверять, так это здесь или нет, Лиле определенно не хотелось.

Так что мы постоим в сторонке. Главное – напоминать, что все ее идеи – это откровения свыше.

Лиля хлопала глазками. Она вновь уверяла пастора, что детям должно быть интересно вместе и учителя будут только рады учить двоих. Что хорошо бы устроить молельню в Ирhone – тут уже лед окончательно растаял, и пастор разулыбался ей. Конечно, он должен приглядывать за постройкой нового храма, но Лиля заверила его, что до конца стройки они проживут в замке. А еще она выделит карету, чтобы уважаемый пастор ездил каждый день туда и обратно. Ей-то здесь все равно ездить некуда, к чему карета? Вовсе даже она не нужна.

Так что пастора умаслили по полной программе. К концу завтрака он, кажется, уже был готов признать Лилю любимой женой Альдоная.

А ведь вирмане тоже приедут с детьми. Тем, конечно, «изячные» манеры не потребуются. Но танцами лучше заниматься в компании. Естественные науки, история, литература – это все пойдет на пользу.

Миранде нужны товарищи по играм. А сословные различия...

Пусть научится оценивать людей по мозгам. А там, глядишь, будет у виконтессы Иртон своя дружина... Пусть учится.

Ей полезно.

Не успела Лиля разобраться с пастором, как наткнулась на Марту.

Нянюшка смотрела с ужасом:

– Лилюшка! Да как же это!!!

Лилия сдвинула брови, припоминая, что не так.

– Что, нянюшка? Что-то случилось?

– Ласточка моя! – Марта всплеснула руками, по морщинистому лицу текли слезы. – Убийца этот... Да что ж это делается-то?! А я и не слышала!

– И хорошо. А ты и так переволновалась. – Лилия ласково обняла старушку за плечи, не обращая внимания на тяжелый запах. Она всех заставляла мыться, но Марту было не переделывать.

– Да как же мне не волноваться?!

– Нянюшка, так ведь все в порядке. Я жива, здорова, ну и слава Альдонаю...

– Лилюшка, разреши, я в твоей комнате спать буду?

Лилия чуть не завопила: «*Нем!!!*»

Вот только няньки в спальне ей не хватало! Мало Кальмы за стенкой. А дальше что? Повесить табличку «Детский сад»?

А как скрывать свои упражнения? И свою писанину?

Лилия вообще решила стереть с пергамента старое и накорять свое.

Постепенно, по ночам, пока никто не видит. А потом – а что? Вот все, что я делаю, все написано. Шла я по базару, тут меня Альдоной под руку толкнул, и приобрела я кучку свитков со старинной мудростью.

А вам что-то непонятно?

Ну так вас Альдоной и не посещал. Хотите – попробуйте. Залетите, а потом – с лестницы. И в горячку. На какое-то время вас это точно займет.

Но такой свидетель, как Марта, ей точно без надобности. Только отказывать надо деликатно.

– Нянюшка, тебе ведь тяжело будет. Давай мы так сделаем? Я тебя прикажу переселить поближе ко мне, в господское крыло. И будешь ты рядом со мной, но не в одной комнате.

– Лилюшка...

Лилия подняла руку, останавливая спор:

– Няня, там негде спать.

– Да я и на половичке у кровати прикорну...

– А потом будешь мучиться болями в спине. Няня, давай мы Джейми попросим, чтобы он тобой занялся?

С нянькой все было ясно. Сколиоз, простуда, искривление позвоночника... Массаж бы ей хороший... Может быть, она Джейми научит?

Надо подумать.

– Не доверяю я этому мальчишке.

– Няня, целитель он хороший. Разве ж я тебя дурному доверю?

– Молод он больно...

– А ты сходи, посоветуйся с ним. Не понравится, что он присоветует, так и делать не будем. А понравится – глядишь, и спине твоей полегчает. Да и ногам тоже.

Марта смотрела с благодарностью. А Лиля думала о грустном.

Марта знает ее очень давно. И наверняка видит происходящие в ней перемены. Это плохо. Она может что-то заподозрить.

Одно дело отмывать Иртона и избавляться от розовых платьев. Другое – развернуться во всю ширь, как она это сейчас делает. Но...

Марту любой ценой надо удерживать в союзниках. Пока она уверена, что Лилия – ее девочка и малышка, ей ничего не угрожает. Марта ее будет защищать от любого.

А вот если она уйдет. Или начнет распускать слухи...

Тут уж лучше сразу бритвой по горлу и в колодец. Марту, понятно, не себя. Ага, Лилиан Иртон в роли Доцента, спешите видеть. И вес у нее с Леоновым одинаковый. Полысеть осталось.

Но не хотелось бы. Все-таки старушка ее любит.

«Одно уточнение, – вмешался мерзкий внутренний голос. – Старушка любит не тебя. Она любит изначальную Лилиан Иртон. Дуру и истеричку. Она ее воспитала и во многом такой сделала. А вот тебя... тебя бабуся с удовольствием сдаст на костер».

Голос был абсолютно прав.

Лилия крепко обняла нянюшку, погладила по голове... И вдруг ей пришла в голову отличная мысль:

– Нянюшка, родненькая, ты не сделаешь для меня одну вещь?

– Какую, Лилиюшка?

Такие мы, женщины, за ласковый взгляд да слово доброе...

– Не сможешь мне с Мирандой? Из меня ты настоящую графиню сделала. А ею и заниматься некому. Ты ж ее нянюшку видела?

Судя по поджатым губам, Лилия попала в цель. Видела.

Может, даже уже и сцеплялись. А если нет – так сцепитесь, я помогу.

– Нянюшка, я хочу, чтобы ты воспитывала Мири, как меня. Это ведь твоё воспитание, если бы не ты, я бы в жизни такой умной не стала.

– Лилиюшка, да силы у меня уже не те.

– А ты можешь и ее нянюшке приказать. Главное проследи, чтобы она все в точности выполнила, – Лилия коварно улыбнулась. – Я распоряжусь, Кальма твои приказания как мои выполнять будет. Да и у пастора нашего сын...

– А с ним что, Лилиюшка?

– Они тут поживут какое-то время. Пока мальчик не поправится. Ты, наверное, уже слышала?

Марта закивала.

– А под твоим руководством и он обтешется, хоть сопли подолом вытирать не будет.

Марта довольно закивала. Лилия улыбалась про себя. Так вас, гадов!

Теперь Марта будет воспитывать Кальму. Кальма – интриговать против Марты. И на Лилию с Мири у них сил и времени просто не останется. А если что, подсунем им пасторского сына. Пусть издеваются. Авось до смерти не заласкают?

Лилия довольно улыбалась, расписывая Марте все прелести командования новой нянюшкой. И старшей-то она будет, и самой главной, и без нее никуда.

Кальме она все попозже скажет, как увидит.

Это классика воспитания.

Если в доме живет кот, он будет гадить в тапки, драть диваны и шkodить. Как ни лупи. И лучший выход из положения – не выкидывать первого, а завести второго кота. Тогда они будут

заняты друг другом. А вы понадобитесь только для того, чтобы кормить. Ну и чесать иногда. А так зверям интереснее будет друг с другом, а не с вами.

Иногда они будут пакостить. Но очень редко.

Вот это Лиля и провернула сейчас с Мартой и Кальмой.

Теперь вы есть друг у друга. А я буду заниматься делами.

Лиля пообещала нянюшке распорядиться насчет переезда и Кальмы и удрала. Якобы к пастору.

Да хоть куда бы!

Только отвяжись со своей заботой. Любить ты меня любишь, но ведь рассекретишь ни за медный грош. Я тебя тоже люблю. Но доверять тебе не смогу.

Мне больно и грустно, но я ведь не Лилиан Элизабетта.

Я другая.

Прости, няня...

Сплавив няньку, Лиля перевела дух и отправилась к Ширви. Предварительно накапав в кувшин с вином еще наперстянки и слабительного. Рвотное пока подождет, все ж таки ядовитое растение, а ей надо допечь мужика, а не угробить.

Ширви был бледен, печален и на графиню смотрел затравленным взглядом. Кстати, интересно, почему его устроили в господском крыле? Что, гостей мало? Здесь ее территория, в крайнем случае Миранды, Лейфа с Ингрид сюда можно пустить, хотя они откажутся. А учителей и всю эту присланную шушеру надо бы куда подальше... Но почему-то его поселили тут. Хотя Тариса – в гостевом крыле.

Почему? Надо узнать у Эммы.

– Как вы себя чувствуете?

Ширви принялся жаловаться слабым голосом. Сердце бьется, понос открылся, рвота опять же... Короче, мужик собирался помирать. Лиля вздыхала, поддакивала ему, сочувствовала и ощущала себя натуральным крокодилом. Сама травлю, сама сочувствую, сама лечу?

Ну в первом она не признается, а последнее можно исключить.

Лечить Ширви Лиля пока не собиралась. Наоборот – довести его до состояния нестояния, запугать так, что он без нее и Джейми чихнуть бояться будет, прочитать-таки письмо от супруга, а там и использовать товарища на свое благо, чем черт не шутит?

– Я думаю, вам надо лечиться, – взяла быка за рога женщина, когда ей надоело закатывать глазки. – У меня есть хороший травник. Джейми Мейтл. Он хоть и молод, но весьма опытен.

Ширви энтузиазма не проявил:

– А докторус Крейби?

– Я его выгнала из Иртона. Есть деревенская знахарка, но лучше Джейми не найти. Я его переманивала из Альтвера не просто так, он умница несмотря на свой возраст. Потомственный травник.

В таком состоянии Ширви был весьма неустойчив. Так что согласие Лиля имела уже минут через двадцать уговоров. Джейми зайдет сегодня вечером. Ширви должен лечиться. Обязательно. А хозяйство...

Да все будет в порядке! Обходились же как-то до сих пор?

– Неизвестно, что скажет господин граф, – вздыхал Ширви.

Но Лиле было чем крыть.

Разве он сможет обойтись без своего верного слуги? Лиля бы не смогла. Точно.

Ширви ведь такой умный, такой преданный господину, ему доверено и проверить, и отчитаться сразу по возвращении, граф ценит его доклад, несомненно.

На лесть Ширви повелся. И сообщил, что граф Иртон отправился с посольством. Зиму они проведут в Уэльстере. А потом, как станет возможно путешествовать, отправятся в Ивернею.

Так что доклад слегка подождет. Ширви отправит его в Уэльстер с нарочным. И дождется распоряжений от графа.

Лиля довольно улыбнулась.

Что ж. Кажется, супруга раньше следующей осени не будет? Потому что пока туда, пока сюда, пока еще там...

Я буду так страдать без своего мужа! Подушки слезами залью. А слез не хватит – соленой воды добавлю. Каждый вечер по ведру проливать буду. Мне его так не хватает...

Кстати.

Лиля минуты две поборолась с собой, а потом не удержалась и поинтересовалась, знает ли Ширви всех, кто входит в состав посольства?

Ширви знал. Не всех, но многих. Очень многих.

И постепенно выяснилось, что туда входит некая Аделаида Вельс. В числе «придворных дам ее высочества».

Кулачки сжались сами собой. Вот как?

Дражайший супруг таскает за собой свою шлюху, а родная жена – загибайся в глуши? Прислал писульку ей, указания управляющему – и свободен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.